

Бурлаков Геннадий

Цикл "Отшельники"

Том 2

Баронесса Z

Серия романов

"Архипелаг Монте Кристи"

Геннадий Анатольевич Бурлаков

Баронесса Z. Цикл

«Отшельники». Том 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39500284
SelfPub; 2018*

Аннотация

Как можно представить себе ситуацию, если исчезла вся старая Галактическая Цивилизация и хочется воссоздать ее заново или создать новую по своему образу и разумению? Как стать ее Создателем и не стать Богом? Или стать им? Как преодолеть соблазны – или не преодолевать их? А если есть в наличии средства и возможности, ненависть и любовь, стремления и нет тормозов для новых приключений. Продолжение серии романов – "Архипелаг Монте Кристи". Новые миры, новые рукотворные цивилизации...

Содержание

Обращение к читателю:	4
Эпиграф	5
Предисловие. Эртомания	6
Вступление	22
Скрипачка. 001	26
Баронесса-Z. 001	35
Зорац-Карер. 001	41
Кувалда и Щегол	47
Скрипачка. 002	53
Рыбы. 001	58
Руки. 001	61
Баронесса-Z. 002	64
Скрипачка. 003	67
Кот. 001. Знакомство	72
Толстый и Кривой	79
Зорац-Карер. 002. Птица и Волк	86
Скрипачка. 004	89
Первая кровь. СМИ	96
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Обращение к читателю:

Предлагаю Вашему вниманию серию романов «Архипелаг Монте Кристи»:

I. Трилогия «Материализация легенды»:

1. Островитянка.
2. Отряд.
3. Гвардия Принцессы.

II. Цикл романов «Постскрипtum легенды»:

1. Легенды далёкого Острова.

III. Цикл романов «Отшельники»:

1. Святой и грешный.
2. Баронесса Z.

Циклы «Постскрипtum легенды» и «Отшельники» только в самом начале! Жду развития сюжета у меня в голове.

А серия романов «Архипелаг Монте Кристи» продолжается!

Лично я не теряю надежды на продолжение серии романов «Архипелаг Монте Кристи». Каждый раз здесь появляется новый сюжет...

Эпиграф

Церковная традиция говорит, что дьявол сосредоточен на лютый, всепоглощающей любви к себе и все хочет вместить в себя. И потому:

По ниточке, по ниточке ходить я не желаю.

Отныне я, отныне я, отныне я живая...

Баронесса Z

Предисловие. Эротомания

Все мы эротоманы. Если не заикливаться на слове в его смысле, связанном с эротикой и сексом, а в более широком смысле.

Википедия: Эротомания (эротоманный бред, эротический бред) – бредовая убеждённость, что человек любим кем-либо, обычно не питающим к нему никаких чувств или не подозревающим о его существовании.

Иногда эротоманией называют ещё гиперсексуальность – патологически повышенное половое влечение, часто сопровождающееся половыми извращениями. К женщинам применим термин – нимфомания, к мужчинам – сатириазис.

Мы привыкли, что эротомания – это именно состояние, так или иначе связанное с половой сферой. Т.е. стремление получать удовольствие от половой сферы собственного тела, в различных интерпретациях от простого фантазирования и наблюдения до самых извращённых в нашем (но не его) понимании вариантах, – и при этом собственно гамма ощущений концентрируется в его половых органах или мозге, представляющем эти ощущения.

Считается, что чувства и ощущения, испытываемые в гамме ощущений полового инстинкта, являются самыми сильными, самыми желанными и превалирующими в жизни. К половому удовольствию человек стремится в самых, казалось бы, не соответствующих условиях, не смотря даже на угрозу гибели и уничтожения как его самого, так предмета его стремления. И это не инстинкт размножения! Ведь нельзя назвать инстинктом размножения для вида и индивида то, что само по себе может привести к гибели одного или обоих партнёров.

Вознесённое на вершину воспевания чувство, которое толкает людей друг к другу в болоте, под артиллерийским огнём, в пустыне накануне гибели, перед последним шагом пары в бездну пропасти, – можно ли назвать это инстинктом размножения? И уж тем более невозможно назвать инстинктом размножения чувство, которое толкает партнёров к однополой любви независимо от того, к какому полу это применять. Гомосексуализм и лесбийская любовь, – геи и лесбиянки, – не могут давать потомство и тем самым продолжение вида, но однозначно подпадают в нашем обывательском понимании под эротоманию. И половой акт в презервативе, – если отбросить предохранение от заболеваний, – преследует не получение потомства, а получение однозначно удовольствия от самого полового акта.

Но давайте представим себе этот термин в более широком понимании: как состояние, в котором человек или животное

стремится получить УДОВОЛЬСТВИЕ. Ведь по силе своей удовольствие других сфер и рецепторов порой не менее, а даже более сильное, чем от половой сферы. А если учесть, что в получении удовольствия построена вся наша жизнь, то это становится очень актуальным вопросом.

Самый простой и примитивный путь получения удовольствия – еда и питье. Не надо говорить даже об изысканных блюдах и напитках! Ведь сильно голодному человеку достаточно порой простого хлеба или столь же простого кушанья, и он получает в конце акта приёма пищи столь сильное удовольствие, что закрывает глаза и впадает в состояние лёгкой эйфории. Столь же сильное чувство наступает у путешественника, достигшего источника воды – простой воды – в пустыне после достаточно длительного воздержания от воды или предельной экономии её. Заметьте, что это не соки и не яства, – это простые хлеб и вода!

Человек, получающий пищу и напитки, которые оказывают усиленные ощущения на его рецепторы вкуса, на рецепторы наполнения желудка, рецепторы «сахара крови», – автоматически начинает так же получать удовольствие. И уж тем более получается ощущение удовольствия от пищевых добавок, – усилителей вкуса и запаха, – которыми перенасыщена наша индустриальная пища. Хоть естественного (соль, перец, корица, травы, ароматы), так и искусственного происхождения.

Сравнимо ли это ощущение удовольствия с половым удо-

вольствием? Если кто-то говорит, что нет, тогда пусть объяснят мне тот факт, что достаточно много индивидуумов раскармливаются до такой степени, что не могут заниматься сексом просто от собственного веса, – ну, кроме как созерцательным вариантом. Если они понимают, что столь огромный объем не позволит им вступить в половой контакт с теми, кто сильно влечёт их, уже лишь только потому, что объект внимания заведомо смотрит с отвращением на столь расплывшееся от жира тело. И всё равно не стараются изменить что-то, и продолжают «жиреть». Не говоря уже о том, что все понимают вред здоровью от такого ожирения, сокращение жизни, уменьшение комфортности жизни, – и всё равно продолжают поглощать пищу кусок за куском.

А как привыкшие к большому потреблению воды люди продолжают это потребление явно или тайно при медицинских противопоказаниях? Это тоже вариант получения удовольствия? Ведь превышая норму потребления той же воды в условиях, которые не требуют от организма такой нагрузки, они тоже понимают, что вредят своим органам. На фоне отёков, – вне зависимости от причины отёков, – они продолжают потреблять и потреблять воду в повышенных количествах.

Движения, мышечная нагрузка... Большинству людей кажется, что мышечная нагрузка, – это не может быть в удовольствии. А теперь вспомните, как ПРИЯТНО ноют мышцы после прогулки, после игры в волейбол в приятной ком-

пани, после плавания в море. В своей жизни я видел шахтёра, только что поднявшегося из шахты, где он всю смену ворочал тяжести, что называется «до седьмого пота», но после приезда в общежитие тот спускается в спортзал на снаряды и начинает отжимать и отжимать «железо», ухая от удовольствия и крича в экстазе: «Какой кайф!» И ведёт себя буквально как человек, занимающийся сексом! С таким же полуприглушенным сознанием, мутным взглядом, блаженной улыбкой, дрожащими от возбуждения мышцами. Это ли удовольствие не сравнимо с эротическим, буквально с половым?

Или получение удовольствия от исполнения профессионалом: балериной или танцором танца бального, или пианистом или скрипачом большого произведения. Они с закрытыми от удовольствия глазами могут творить и творят такие шедевры, что сами от них впадают в экстаз. Сколько раз наблюдался такой экстаз в театрах, на ледовых катках (типа чемпионаты мира по фигурному катанию), на танцполах, на эстрадах? От чего они получают большой экстаз: от самого танца, от предвкушения триумфа, от грядущих буйных аплодисментов? Трудно сказать. **НО ПОЛУЧАЮТ!**

А взять танец в любом клубе. «Уйди мужик (уйди дамочка) – я танцую!» – с полузакрытыми глазами говорит индивидуум при попытке отвлечь от танца. Можно ещё понять парочки (разнополые или однополые), прижавшиеся в танце и ощущающие волнения от прикосновения. Но такой же от-

вет можно вполне получить и от индивидуума, одиноко танцующего «для себя» в полном одиночестве посреди пустого зала.

Или вот музыка в зале оперного театра – мой собственный стих о пережитом в опере:

Божественная музыка, восхитительные движения,
Па-де-де, па, па-де-труа,
Волшебное звучание, приглушённое освещение, -
А потом прогулка по городу до утра...

Колонны в золоте, статуи страсти, -
Поистине, императорский дворец...
Женщина рядом в вечернем платье,
И улыбающийся с иконы Творец...

Дирижёрская палочка в непрерывном движении,
Цветы для примы, реверансы, поклоны...
И скольжения души в изнеможении от освобождения
Огибают в полете колонну за колонной.

Растворяюсь в музыке, в наблюдаемых движениях...
Сжимаю программу в потном кулаке...
Изнеможение, погружение, освобождение, восхищение, -
Отделяюсь от тела, парю на потолке...

Плыву по волнам танца и счастья,
Погружаюсь в сплетение холода и огня...
А женщина, улыбающаяся в вечернем платье,
Почти непрерывно фотографирует меня.

И, кажется, что нет войны, бортов, разрывов снарядов,
Нет звёздочек, змеи и седины капитана:
И держит меня за руку папа, сидящий рядом,
И улыбается сидящая рядом мама...

Танец без страховки на проволоке над пропастью. Или между небоскрёбов. Вы же скорее всего видели такое в кино, в документальных кадрах, в репортажах. Что, если не удовольствие от риска и свободы в этом воздухе толкает людей на такое с нашего понимания безумства.

Можете сказать, что танец на проволоке сродни всем тем занятиям и удовольствиям, сопровождаемым выбросом большого количества адреналина в кровь, – адреналиновой наркоманией:

– Стою у самой пропасти, у края,
Порывы ветры в спину трутся, как коты, -
Какой из них меня столкнёт, – не знаю, -
Да и не в этом прелесть высоты-

– Нырять в бешеный водоворот прибоя,

Захлёбываюсь пенною волной,
Со страшной бурей я – песчинка – спорю,
Не зная, чем закончится тот бой-

-Толчок ногой у самого порога,
Инструктор перекрестит по пути, -
Раскроется ли парашют, – у бога
В полете вниз, в который раз, спроси-

– С медведем злым, огромным, бурым в чаше
Поспорить, когда есть в руке лишь нож, -
Рогатина была б сподручней, краше,
Да где ж её в пылу борьбы возьмёшь?..

– Рванулся ввысь огонь из новых скважин,
Расплавилась и балки, и мосты.
И неизвестно, кто погасит, кто замажет, -
Коль этого не сможешь сделать ты-

– Зрачок обреза смотрит на меня,
"Броня" надетая мне кажется безделкой,
Коль из ствола рванётся шквал огня-
Но я успею первым в перестрелке-

Игра с огнём, с прибоем, с высотой,
Игра со смертью и игра с любовью, -

Что лучше: наркота или запой,
Или игра адреналина с нашей кровью?

Лишь развлеченье все для экстремалов, -
Скачки, полёты, брызги, крики, взрыв-
Звучит в мозгу девиз один лишь старый:
Пройди по краю и останься жив!

А чем не сродни экстаз от проделанной работы? Когда сам
«прорыв» есть кайф! Когда конец «прорыва» есть кайф! Ко-
гда после этого ничего не хочется, как после бешеного все-
поглощающего всё сжигающего буйного необузданного по-
лового акта, – и ты лежишь на кушетке, в кресле, даже про-
сто на холодном полу и ощущаешь такую наполненность от
этого кайфа...

Богов, чертей ли навсегда презрев,
Старуху смерть схватив рукой за глотку, -
Кому-то это надо бы уметь,
Иначе б не было от экстремалов толку!

Скачок адреналина, словно взрыв!
Горит работа рук, ход мыслей ясен. ...
МЫ СДЕЛАЛИ! И вновь идём в прорыв!
И вкус **ПОБЕДЫ** сладок и приятен...

Не все такие состояния однозначно оцениваемы и безразличны окружающим. Ведь есть люди, получающие кайф от убийства, от мучений других людей, от потоков крови разной интенсивности: от просто разбитого в кровь костяшек пальцев кулака до выжженных земель, разорённых селений, городов, до уничтоженных материков, газовых камер концлагерей, ГУЛАГов, Великих Яров... Больно нам, – но организаторы этого всего скорее всего испытывали другие чувства, сродни экстазу.

Вы скажете, что это сродни садомазохизму? Согласен. Но почему тогда это не часть понятия эротомании? Причинять боль, испытывать боль... Если взглядеться в лица на этих картинах, то можно понять, что видел художник **Иван Владимиров** (1869-1947), – получение удовольствия от уничтожения себе подобных. Фото с сайта художника.

Про драки и писалось, и снималось в кино, – «Ну, что ж, давайте повеселимся!» – и народные фразы типа «Что же за свадьба без драки», и даже рисовалось, – об увлечении драками и получаемом от них удовольствии информации много. Тоже вариант эротомании? А фраза «бьёт – значит любит» – это от мазохизма?

А когда придушивают себя петлей? А членовредительство?

А за получение удовольствия от приближения смерти – я умираю за родину, за любовь, детей и пр. – даже агити-

ровали во все времена и всеми народными лидерами. Как в собственной наигранной манерной речи выступлений, так и непосредственно в первых рядах атакующих войск. «На миру и смерть красна!». Кричавший призывы умереть за родину, за веру или правителя – что, испытывал удовольствие? Получал экстаз? Входил в раж? Опьянялся энергетикой боя? Заражался сумасшествием толпы? Захлёбывался потоком адреналина в крови от предстоящей опасности и риска покинуть сей грешный мир? Сродни адреналиновой наркомании? От вида крови – своей и чужой?

Следующая ступень – наркотики и алкоголь, да и все дурманящие вещества. Как природного, так и искусственного происхождения. Но слишком разные по действию, вреду, продолжительности, дозировкам и пр. Но они слишком разноплановые: вызывают сонливость и возбуждение, галлюцинации или отрешение, бесчувственность и повышенную чувствительность, повышение полового влечения, дезориентацию, веселье, слезы, – слишком много различных описаний состояний от различных активных веществ. Только ли эйфория? Каждому своё? Как на воротах Бухенвальда? Уединиться в собственных ощущениях и уйти от мира? «Уколоться и упасть на дно колодца»? В этом приятность? Эротомания?

Но ведь получают же удовольствие и от созерцания заката, прекрасной картины, статуи, леса, пустыни, степи, – да

мало ли предметов не только созерцания, но и вдохновения. От прикосновения, от совместного дыхания, от аромата цветов, от брызг водопада, от крика птиц в лесной чаще, шума прибоя, – продолжайте список сами.

А от обиды – любит обижаться – сродни мазохизму? Или пиар, игра на публику – даже в семейном театре одного актёра, игра для самого себя? Получают удовольствие? От собственных слез и вызвавших их мыслей?

Поглаживание животных – наверно особая статья: от эстетики до зоофилии. В какой-то восточной стране был снят художественный фильм (позабылось название), где парень получал удовольствие, когда гладил кроликов или что-то мягкое и пушистое. И душил их при их попытке побега. Однажды гладил голову девушки, – и убил её для того, чтобы она не мешала ему её гладить, не вырывалась. Болезнь? – Да. Но почему при наличии болезни мы будем отрицать, что это приносило ему неопишное удовольствие.

А если получаешь удовольствие от стихов – чтения и написания, – и прозы: от написания и от восторженного восприятия окружающими – возможно, в равной степени, или в разных пропорциях, или ... Но получаешь же!...

Так правомерно ли понятие ЭРОТОМАНИЯ, ЭРОТОМАН в широком смысле этого слова?

И кому какое дело, чем я себя для этого гроблю: яда-

ми, членовредительством, алкоголем, драками, адреналином, сексом, наркотиками, едой, напитками? А?...

Вступление

Господи, да куда же ты смотришь? И куда смотрел ранее? Что это: новый путь или наказание за прошлый?

На экране коммуникатора, который невозможно отследить во времени и пространстве, однажды появилось послание: **«Встречаемся на Архипелаге Монте Кристи на 25-й день рождения Кристины. Есть интересное совместное дело.»** И всё! Больше ни слова. Учитывая, что из любой точки космоса и из любого времени можно выйти туда, где тебе надо, – тоже в любую точку времени и пространства, – то можно не торопиться. Можно столетия развлекаться или работать на какой-то планете миллиарды лет назад или сотни тысяч лет вперёд от назначенного времени randevу, но выйти точно или с погрешностью в несколько секунд и сразу принять участие в празднике или битве. А уж в пределах-то Земли, – вообще не проблема. И всегда прибудешь вовремя. Вот в школу бы так было в прошлом ходить, – цены бы не было таким перемещениям.

Я – БОГИНЯ! Я – ЦЕНТР ВСЕЙ ВСЕЛЕННОЙ! Я – ПРАВИТЕЛЬНИЦА ВСЕХ И ВСЕЯ!

В моих слабых женских руках оказалась такая армия, что

я даже сама не могу представить себе её мощь, как и не могу найти в памяти аналоги в нашей истории. Разве что только в сказках. Я могу объединить армию, состоящую из людей, зверей, рыб, птиц, гадов и червей, насекомых и прочей любовью живности.

И меня зовут на какой-то там банкет в честь совершенно никчёмной девчонки? 25 лет?

А мне, собственно, теперь сколько уже лет? Сколько раз я уже принимала эликсир? – Не помню. Я просто следила за тем, чтобы не делать больших «шагов назад», иначе придётся сильно перестраивать свою налаженную жизнь в соответствии с новым обликом. А так, полежала типа в закрытой клинике, после которой можно всем говорить, что сделала подтяжку лица, приняла невероятное количество процедур, которых я не знаю и не понимаю, – ну и прочую лабуду. И продолжаться оставаться самой собой. В своём мире и своём облике. Вечно молодой!...

Однако, послание пришло не от одного кого-то, а от группы людей. Кто это? Может быть, ОН в их числе, – в числе тех, кто зовёт меня? Может быть он и ранее звал меня, но это устройство почему-то не приняло его посланий? Или он не мог сделать такой вызов? Или просто не находил приемлемого повода выйти на связь?

Что? Расплылась мыслью по дереву? Потекла? От одного

только представления, воспоминания о нем? Вот сколько же времени мы были рядом бок о бок, сколько новых миров «зачали», «оплодотворили», дали им новую жизнь, (см. Цикл «Постскриптум легенды». Примечание автора) – а он всегда молчал! Молчал, и делал вид, что не обращает на меня внимание! Или не делал вид и на самом деле не обращал на меня своё внимание?

Эти мужики, если уж им втемяшится в голову какая-то идея, то они просто перестают видеть и слышать вокруг себя весь мир, – и уж тем более слабый застенчивый голос той, которая постоянно его ждёт и мысленно зовёт.

И я решила вернуться на Землю. Почти в своё время. Почти в свой мир...

Мой? Нет, этот мир не был моим, когда я вернулась. За те несколько лет, которые я по земному времени провела вне планеты, с матерью случился инфаркт, и она умерла. Знать этого я не могла. Без любимого мужчины было если не скучно, то тоскливо. Я не хотела теперь даже случайно пересекаться с Ясивом (см. Трилогия «Материализация Легенды». Примечание автора), – чтобы не узнал случайно, чтобы не убить этого подонка на месте, – попользовался и... Хотя я сама и дала ему такую возможность. Продалась!... Если бы я не воспользовалась тогда его приглашением на съезд психиатров в Париже, если бы не позволила ему оплатить все связанные с этим расходы, если бы не легла к нему в постель

практически сразу и, как я думала, навсегда, – то я и не имела бы ничего до конца жизни: Клиники, кафедры, дворцов, достатка матери. Но и не встретила бы ЕГО, которого сама же выявила в толпе и нанимала на работу. А потом рванулась за НИМ очертя голову сначала в неизвестность, потом в бескрайние просторы космоса, в надежде, в предвкушении, в ожидании... Сами знаете, чего.

И вот теперь, я представляю себе, что в числе позвавших есть и ОН, – и уже готова набрать нужную комбинацию клавиш и мчаться к НЕМУ. Дура? Возможно. Но...

Скрипачка. 001

Впрочем, я тоже продолжаю думать, что мир – это микроскопическое болото или лужа, в которых мы, инфузории-туфельки, постоянно сталкиваемся и непрерывно толкаемся локтями. Кто-то просто расширяет свободную зону вокруг себя, другие питаются теми, с кем сталкиваются. Одни соседствуют и завидуют, другие обмениваются или делятся генетическим материалом. И если вы думаете, что, уйдя в другую часть этого болота, ты гарантированно не встретишь встреченную при разных обстоятельствах «туфельку», даже если она тебя не ищет, то в этом месиве жизни, в котором все содержимое постоянно перемешивается, – ты абсолютно не прав. А если ГА «инфузория» ещё и жаждет тебя найти для собственных целей, подталкивая различными методами к поискам тебя других «инфузорий», то вы встретитесь значительно скорее и не всегда предсказуемо.

Ну как можно было мне, Джульетте, – мать звала Жуля, а друзья Джулей, – попасть на глаза этому уроду после того, как он пообещал отрезать пальцы на одной руке. Только потому пообещал, что она играла на конкурсе лучше, чем его сын. Сынок... Вечно вычурно и безвкусно одетый в самые дорогие шмотки от великих кутюрье мира, приехавший на самой дорогой машине, машущий публике рукой с таким

огромным бриллиантом, что он не помещался по ширине среднего пальца. И скрипка была у него то ли от Антонио Страдивари, то ли от Гварнери дель Джезу. Для Джули значения не имело, какая у скрипки история, если извлекать звуки из неё разрешают таким дебилам, как этот толстяк. Она не была согласна, что музыку великого мастера можно так коверкать, и не только высказала это в микрофон при всей честной публике, но и постучала костяшками пальцев сначала по лбу исполнителя, а потом по деке скрипки. На удивление звук в микрофоне получился такой похожий, что это вызвало весёлый смех в зале и в жюри.

У самой Джули скрипка была от местной мебельной фабрики, но это не мешало ей исполнять на ней произведения великих мастеров, современные мелодии и собственные импровизации. Однажды она от любопытства дома сняла все струны, кроме одной, и попробовала что-то исполнить на ней, как это сделал на своём известном концерте Николло Паганини – Скрипач Дьявола. Или это было только легендой? Ей безумно хотелось почувствовать себя такой Дьяволицей, от которой бы шарахались церковники, осеняя себя крестным знаменем при её игре. Нельзя сказать, что она была удовлетворена качеством собственного исполнения на одной струне, но сама идея оказалась воплощаемая в жизнь. Конечно, буйная фантазия представила ей сцену, на которой она исполняет что-то бурное, буйное, – например, «Шторм» Вивальди, и при этом лопаются одна струна за другой, свисая

потом с грифа и деки бессильными обрывками. Как погибшие в бою товарищи, которых она не может и не вправе предать, и остановить не только концерт, но даже этот «Шторм». И она продолжает играть сначала на трёх, потом на двух, а потом и на одной струне. Она закрыла глаза и исполняла дома сама для себя это бессмертное произведение и... И вдруг дико засмеялась в голос, почувствовав себя такой Дьяволицей, почувствовав, что смогла бы так играть даже перед публикой.

И рядом с тем «сынком» она прямо на сцене перед зрителями и жюри демонстративно отпустила колки так, что провисли все струны, кроме одной. Даже председатель жюри, сначала негодовавший от её выходки, остановился, не успев произнести приказ убрать её со сцены. Он ждал, уже понимая, к чему она готовилась. И зал затих с первыми ударами смычка по струне. Последней рабочей струне, которую она оставила натянутой. Сначала медленная и заунывная еврейская мелодия новой импровизации перешла в бодрый марш непонятно кого и чего, потом марш сменился скрипом лесопилки и закончился безумством бешеных созвучий и дьявольских сочетаний темпа и ярости. Когда импровизация закончилась, зал сначала сидел несколько секунд молча, а потом взорвался бурными, – даже буйными, – аплодисментами. А когда она протянула свою скрипку с отпущенными струнами «сынку», до сих пор стоящему рядом, тот под громкий хохот того же зала просто сбежал по ступенькам и убежал из

зала вдоль сцены.

Судьи засчитали ей победу. Правда, председатель жюри отметил, что её исполнения «зачётных» произведений и до «фокуса Паганини» были неподражаемы, а потом вообще стали «нетипичны и афферистичны, но на грани аффекта и эйфории одновременно». Это были его собственные слова. Публика встретила такую характеристику овациями, а папенька «сынка», которому победа в конкурсе была щедро оплачена, пообещал отрезать ей пальцы.

Сегодня она должна была выступать в небольшом клубе, где работала известная рок-группа и ожидалось большое стечение зрителей. Ей предложили неплохую оплату за исполнение нескольких оговорённых произведений в её манере вместе с этой группой. Оплата её устраивала, да и не приходилось выбирать. Чтобы не думать о том, что она может не успеть на собственное выступление, она засела напротив клуба в кафе, положив футляр со скрипкой на сиденье рядом с собой. Тем самым заняв всё сиденье сама. Но кафе было почти пустым, и официантку это не беспокоило. Она поужинала и просто смотрела в окно, когда из подъехавшего лимузина вышел человек, фигура которого ей показалась знакома. Когда он вошёл в кафе и заказал сигареты «Treasurer» и повернулся к залу было уже поздно. Он – отец «сынка» – узнал её с первого взгляда.

Джули схватила скрипку и выскочила из кафе, перебежа-

ла на другую сторону улицы, пока папочка лавировал между столиками и путался в длинном до пола пальто. Но водитель лимузина её увидел и проследил её движение. Джули бросила футляр со скрипкой в проем арки, которая вела в клуб, та упала на ступеньки и скатилась ближе к дверям клуба в кучу каких-то наваленных пустых коробок. А сама бросилась бежать по улице. Очень ей не хотелось потерять пальцы из-за этого невезения. Она бежала, расстёгивая пальто, потом завернула за угол и сбросила пальто и шапочку. Сделала ещё один поворот и остановилась, прижавшись к стене.

Сердце готово было выпрыгнуть из груди. Воздух шумно вытягивался в лёгкие, – а ведь хотелось дышать тихо-тихо, не привлекая внимание прохожих. Она опустила глаза вниз и присела, словно застёгивала пряжку на ботинке.

Лимузин проехал мимо с большой скоростью. Дальше бежать в этом направлении больше не имело смысла. Она встала и сдерживая свои собственные порывы медленно пошла в обратную сторону. Приблизившись к арке, она услышала, как в клубе послышались первые звуки громкой музыки, и поспешила спуститься по лестнице. Подобрала свою скрипку, вынула её на ходу из футляра, и почему-то почувствовала всем своим нутром, что этот футляр ей уже не понадобится. Но не отбросила его, а аккуратно положила его в глубине сцены, когда вошла на неё. К ней оглянулся распорядитель концерта и поторопил её резкими взмахами руки.

И Джульетта решилась. Да пошли ОНИ все к чертовой ма-

тери! Это её, только её концерт! Она шла к этому долгие годы. И не важно, что аккомпанирует ей не симфонический оркестр, а малоизвестная рок-группа, – это совершенно не важно! Это ничего не меняет!

Она ураганом вырвалась на сцену, мгновенно включившись своей скрипкой в бешеный ритм, заданный ударником и бас-гитаристом. Публика, увидев её, восприняла это как очередной экстравагантный выход известной своей эксцентричностью скрипачки, – и взвыла от восторга. На сцену полезли восторженные фанаты – её и группы – и вступили в пререкания с охранниками, которые не дали им танцевать на сцене, возвращая их в зал.

Дальнейшее происходило почти как во сне. Джули просто растворилась в музыке, собственной беготне по сцене, бесновании и овациях зала. Она была уже вся мокрая, облеплена конфетти и обмотана серпантинном, которыми её щедро осыпали из толпы фанатов. Она жила в звуках этой музыки, а её тело подтверждало это своими движениями, как подтверждает движениями тело пловца воде свою причастность.

Хорошо, что она успела поужинать, – сил было достаточно, чтобы преодолеть такой собственный эмоциональный подъём. А выброс адреналина при виде врага и побеге от него по улице просто вырвал из неё такие звуки, на которые, как она думала, никогда не будет способна. Она играла и своими криками подбадривала толпу, что-то одновременно дико напевая в такт игры, чего не слышала сама, и чего не слы-

шали в зале. «Остановись, мгновение!» – могла бы крикнуть она в эти минуты, как на вершине собственного блаженного счастья...

... Могла бы крикнуть... Не успела...

Перед сценой стоял «папочка» и медленно ей аплодировал: «Я нашёл тебя по звуку твоей музыки, которую слышно даже на улице, – крикнул он ей, и она разобрала его слова то ли на слух, то ли по губам. – Ты играй, играй, а потом пошли со мной. Теперь тебе не убежать от меня!» – и махнул рукой в сторону выхода, где Джули разглядела группу охранников в той же форме, что и его шофер. Сказать, что внутренний огонь пошёл на убыль, – это ничего не сказать. По телу разлилась торричеллиева пустота. Нет, ей не было страшно, не было противно или больно, – просто она поняла, что это конец. Что это последний её концерт, последний взлёт. Она ударила носком ботинка по стоящему на краю сцены стакану с каким-то напитком и выплеснула его на говорившего нувориша. Тот от неожиданности отпрянул, потом стёр с лица пенистую жижу платком, вынутым из кармана, и с отвращением отбросил его в сторону. Зло глядя на неё, он протянул указательный палец в её сторону и, имитируя нажатие на курок пистолета, сделал вид, что стреляет в неё.

– Не хочешь по-хорошему, сука? Значит будет по-плохому, – и махнул рукой своим людям. Те рванулись вперёд. К сцене.

Но не тут-то было. Толпа стояла плотной стеной, и по-

пасть в сторону сцены было слишком много желающих. Потому протиснуться сквозь толпу было возможно, только совершив что-то героическое или сценически невероятное. Но ничего героического или экстравагантного охрана не придумала, а вынула резиновые дубинки. Вот этого делать было не надо! Как только первые дубинки опустились на головы и плечи зрителей, мужиков в форме просто смяли и начали затаптывать в буквальном смысле этого слова. Дотянулись и до тех, кто стоял ближе к дверям, опознавая их по форме. Один из них вытащил пистолет и попытался выстрелить в воздух, но его сразу дёрнуло, наверно, с десятков рук и кинуло под ноги «танцующим». Пистолет, кувыряясь, полетел в сторону и исчез в толпе.

Нувориш попытался дотянуться да Джули, но не смог.

– Проблемы? – спросил оказавшийся рядом с Джулей распорядитель, указывая в зал глазами.

– Есть запасной выход? – Джули понимала, что если и есть шанс отсюда вырваться сегодня целой, то это только с его помощью.

– За сценой есть маленькая чёрная дверца, она выведет... – он не успел договорить, когда Джули уже рванулась по сцене, имитируя новый этап танца. Какая разница, куда он выведет? Главное, что он выведет отсюда. Она выскочила из ярко освещённой области, тем самым скрывшись от зрителей, подхватила футляр и побежала за сцену. Там разберёмся...

На ходу пряча в футляр скрипку, она рванула на себя

небольшую узкую дверцу, протиснулась в неё и быстро пошла по узкому техническому коридору. Бежать по нему было просто невозможно, – из-за его узости и низкого потолка. Света хватало, чтобы не беречь голову руками и вовремя нагибаться перед препятствиями и протянутыми везде в разном направлении трубами и проводами.

Выйдя на улицу, она оглянулась по сторонам. Перед ней стоял какой-то микроавтобус с раскрытой широкой дверцей в большой пассажирский салон. В салоне сбоку стояло несколько небольших коробок. Улица – скорее переулок – была освещена совсем плохо, но слева был виден хорошо освещённый проспект. Вдруг Джули услышала за спиной со стороны двери, откуда она вышла только что, какой-то шум, резко повернулась в его сторону и не удержалась на ногах. Удар по голове она уже не почувствовала, – или не запомнила? Не услышала, как кто-то втащил её в салон микроавтобуса и уложил на пустое сиденье, забросил на другое свободное сиденье футляр со скрипкой и захлопнул дверцу.

Уже теряя сознание, девушка успела подумать: «Не успела. Жаль...»

Баронесса-Z. 001

(см. романы «Отряд» и «Гвардия Принцессы». Примечание автора)

У меня есть все стадии развития соединения. Что называется, на любой вкус и цвет. Только выбирайте и получайте.

Гранула конечного продукта практически равна весу и размерам макового зерна. А в 1 грамме мака содержится до 10000 семян, и по форме – гранулы один в один, только форма немного другая. Т.е. в грамме вещества содержится до десяти тысяч доз! Это от десяти до двадцати лет ежедневного приёма. ТОЛЬКО В 1 ГРАММЕ!!! С вариациями суточной дозы. А в ста граммах препарата?

Опыт приём наркотиков у меня не большой, – можно сказать, студенческий. В молодёжном общежитии, когда ни денег, ни еды, ни условий проживания нет и не предвидится, я с тайной благодарностью и недовольным внешним видом иногда принимала оплату за свою помощь разной фармакологической дрянью. Это были и седативные препараты, и лёгкие наркотики, и сильные обезболивающие. Реализовывала втайне.

Тогда-то и возник соблазн всё это попробовать. Ну, правда, если мне предстоит в будущем работать с таким контин-

гентом, основной интерес в жизни которых представляют исключительно алкоголь и наркотики, то для понимания этих индивидуумов мне желательно понимать, что они в них находят. А небольшая, тем более разовая, доза этой дряни не повредит молодому организму.

Сначала пошли в ход лёгкие успокаивающие. Смешно вспомнить, – адонис-бром. Мне его назначила врач студенческой поликлиники, к которой я обратилась лечить истерику после трудного экзамена. Потом, проведав о моей проблеме с нервами, мой одноклассник из совершенно добрых побуждений принёс мне достаточно лёгкий транквилизатор, который он взял у матери из аптечки.

Дальше – больше. Сказать, что приём этих веществ меня как-то напугал, – да нет же, они не выглядели разрушителями ни органов, ни психики и сознания. Вот тогда я и решила попробовать на себе настоящие наркотики. Пошла в ход травка, галлюциногены, сильные транквилизаторы, морфиновая группа обезболивающих... Не знаю, как я до героина и LSD не добралась... А ведь были и такие предложения!...

Так что, принимать что-то внутрь я совсем не боялась к концу института: если делать в меру и под контролем нормально работающей головы, то это не только вредно, но и немного полезно, – решила я для себя.

Впервые я попробовала Z даже не из любопытства. Когда мои первые изобретатели впервые принесли и оставили на моем столе этот препарат, то он был в ещё только жидком состоянии, и одна ампула разбилась и порезала мне руку. В рану попало немного активного вещества.

Я сидела в кресле в кабинете, – и по телу разливалось неопишуемое состояние блаженства.

Я понимаю, как врач, что такую реакцию подготовили мои прошлые «изыскания», прошлый опыт приёма разных наркотиков. Если бы не этот факт в моей ранней биографии, возможно, что я бы или не почувствовала этой дозы, или лежала бы пластом с рвотой и поносом.

Проходило время, но из памяти не проходило это ощущение блаженства. Я пряталась от этого соблазна сознательно, но в какой-то момент Олег чуть ли не насильно затащил меня в капсулу и отправил в «Тоннели». Он-то видел гладкие стены, облицованные плиткой. А у меня эти коридоры светились внутренним светом, вспыхивали по всей длине яркими бликами, сияли радужными огнями, плясали перед лицом диким разноцветным калейдоскопом, путали мысли сиянием блаженства, бодрили изнутри звуками танцевального ритма. И это всё «в одной» мне!

Он рассказывал мне о своём, а я слушала, понимала его, – но внимание рассеивалось моими внутренними ощущениями. Он спрашивал, настаивал, – а я соглашалась. Я просила

его дать мне время прийти в себя, – но он не понял и продолжал что-то настаивать. Мне хотелось в тот момент только одного: чтобы он замолчал, перестал «нести пургу», прижал меня к себе и застыл, как изваяние, замер на неопределённое время.

Я окончательно пришла в себя уже в постели дома под утро. После этого последнего приёма я так и не смогла ни успокоиться, ни заснуть, – так и пролежала сначала в капсуле, потом на заднем сиденье машины, а после дома в постели. Но без сна.

Такое не забывается. И я поняла, что сама должна рассчитывать свою дозу, иначе убьют меня эти коновалы в лаборатории!!!

Не скажу, что у меня развилась какая-то зависимость. Просто я нашла отдушину в этих своих «Z-путешествиях», хотя имела полную возможность путешествовать наяву. Отдушину от того, что в свои годы не имею ни мужа, ни детей, ни любящего меня мужчину, ни достаток, который обеспечил бы мне и моей матери безбедную старость. Всё-всё-всё, что у меня было тогда – мираж Ясива, что так же по мановению его руки могло и бесследно исчезнуть.

Когда все ушли от инъекционной формы и стали делать таблетки, а потом и гранулы, – я вздохнула с облегчением. Дозу каждой таблетки и гранулы уже оговаривала и диктовала я сама, и потому «промахов» с дозировкой уже не было. Стало легко вводить, хранить, перевозить, прятать... Всё

для нужд трудового народа, по настоятельным требованиям трудящихся...

И принимать их стало легче дома или в кабинете. Вот так мы и встретились неожиданно на Острове с Олегом в незапланированной ситуации. Я была не готова к такой встрече, потому просто не стала объяснять, почему я там оказалась.

После очередной отгрузки всей партии ещё первого жидкого препарата в другие лаборатории, я подумала, что в любой момент могут отгрузить всё до капли, оставить для экспериментов строго точное количество, – и мне не останется даже «разговориться». Тогда и возникла идея создать свой собственный небольшой запас. Но этот запас неожиданно для меня самой быстро заполнил сначала один склад в прикроватной тумбочке, потом склад коробок в подвале дома, потом ангар на тропическом острове... Возникла мысль, а не пустить ли этот товар «налево»?

Словом, жидкие запасы в тумбочке и подвале я быстро распределила по известным мне ещё по институту барыгам, но не от своего, естественно, имени. Получился «небольшой барыш», положенный на мамино имя в банке. Но барыш разовый, – я не стремилась это повторять.

Правда, пришлось спустить в океан запас в одном складе, – это было опасно там хранить, т.к. дворец принадлежал

Ясиву. Жалела по началу. Представляла, как порадовались рыбы!... Стала создавать места хранения никак и ни с кем не связанные.

Но мне никогда до конца не везёт. Очень скоро после этого я прочитала бумаги, показанные мне Сашей в ресторане, по которым поняла, что официально я голая и босая, как ребёнок, только сегодня вышедший из утробы матери. В ответ на возникшую потребность начать работу с новыми партиями препарата, которые я уже наметила, как и где спрятать, от Олега появилась угроза полного уничтожения всего производства и всех официальных запасов Клиники.

Я и отреагировала: перепрятала все склады Клиники заранее, опустошила все «нычки» в Клинике и изъяла всё по ВСЕМ лабораториям ещё до их уничтожения. Словом, взрывали и жгли они там почти пустые склады. Удалось даже сохранить небольшой запас исходного сырья, – но без технологии и оборудования, как я понимаю, это ничто.

Теперь главное не показать, что у меня Z тоже есть. Мало ли что будет...

И мне теперь с этим запасом не нужен ни их новый звёздный мир, ни их похотливые мужчины или слюнявые женщины... Я сама могу всего теперь достигнуть.

Зорац-Карер. 001

По рождению он был так близок к Солнцу, как не был никто в его селении. Эту уверенность со своим молоком передавала ему мать, которая родила его на границе ночи и зори высоко в горах. Роды начались раньше срока, когда она возвращалась домой от родителей и как раз была на перевале. А когда он стал подрастать, то отец стал брать его высоко в горы, ближе к светилу, первым услышавшему изданные им при рождении звуки в розовом свете новой зори.

Зорац-Карер (Չորից Քարեր – камни воинов, каменное войско) или (Քարիւհիւնիւնք – поющие камни) – так переводилось его имя. Родители долго спорили об имени: камень или воин, – но к общему согласию так и не пришли. Потому пришли к компромиссу – камень и воин в одном лице. Родители так и звали его: мать, если в гневе, кричала Зорац, отец – Карер. Но в основном родители звали его Зора, друзья – Зор, девушки – Кремень. Никому никогда не было интересно ни значение его имени, ни то, что имя само диктовало в жизни сначала ребёнку, мальчику, потом юноше его последующий путь, возможно, судьбу.

Никто в их селении никогда не задумывался, может ли имя ребёнка определить его жизненный путь. Было слишком много других забот у этих молчаливых горцев и их много-

словных крикливых жён. Как-будто немногословие мужчин, как и гор, которые они так любили, компенсировали их женщины, которые так любили этих мужчин.

Когда ему было 6 лет дядя Гагик, – брат матери, – взял его на всё лето в горы пасти отару овец. Свобода, которая сопровождала мальчишку во всех отношениях, ограничивалась только тем, что он не мог побежать домой, к родителям. Да ещё вставать надо было рано, пока солнце не припекло, и овцы могли вволю полакомиться сочной травой. Спать по вечерам ему не хотелось вообще, но под длинные разговоры и рассказы дяди с напарником он невольно быстро приходил в сонное состояние, и его относили в постель из травы.

Было интересно смотреть из пещеры, когда шёл дождь. Мужчины все спали около входа в пещеру, куда на ночь загоняли овец, – чтобы овцы не попытались сбежать, а звери не рискнули войти. И когда шёл сильный дождь, никто из укрытия не выходил. Овцы ели припасённую траву, а мужчины оставались на своих ложах около костерка и вели бесконечно долгую беседу. А мальчик стоял или сидел около выхода и наблюдал за каплями и ручейками.

Небо в такой день было закрыто грязно-серым покровом из туч, иногда становящимся чёрным. Через него не могли пробиться лучи солнца. В расселинах гор в такие дни становилось почти темно. По небу плыли грязные обрывки облаков, словно грязная вата в мутной воде. А вода лилась с неба крупными каплями, омывая зелень и скалы. Дождь прино-

сил прохладу и какой-то покой, от которого хотелось – нет не спать, – дремотно сидеть у входа и бесконечно смотреть перед собой наружу.

Но чаще всего погода была яркая, солнечная. Сочная трава зеленела на склонах, редкие деревца коряво тянулись к свету из расщелин. На таких деревьях редко вызревали крупные плоды, – им что-то мешало, – или недостаток влаги, или просто высота над уровнем океана. Но зато ягод было много, и они были большим подспорьем в рационе пацана. Он каждый день наедался их, что называется, «от пуза», вечно ходил с выкрашенными в разные цвета губами. Рубашки и штаны тёмных оттенков не всегда показывали оставленные на них следы ползания по траве и раздавленных ягод.

Можно было громко кричать, бегать по склонам, играть со сторожевыми собаками, тискать к груди маленьких ягнят, пить овечье молоко и лакомиться свежим овечьим сыром. Когда пастухи готовили шашлык, то ему доставались самые вкусные, как он считал, куски мяса. По губам на землю текли жир и сок этого мяса, он облизывал губы и руки, чего дома ему категорически не позволяли родители.

Дядя Гагик сделал ему из ствола какого-то дерева лук, а из веток того же дерева и перьев диких птиц стрелы с острыми наконечниками их заточенных обломков овечьих костей. Этот лук потом всегда хранился в пещере на постоянном стойбище пастухов, и каждый год, когда мальчик, а потом и юноша, приезжал к ним в гости, он находил его там и

охотился на мелких птиц и грызунов. Иногда попадались какие-то зайцы, однажды он даже попал в лисицу. Постепенно благодаря этим упражнениям с луком оттачивался глазомер и точность движений рук.

Когда Зорацу было 7 лет, он впервые увидел море, куда приехал вместе с родителями. Своей спокойной в тот первый день голубизной морская поверхность сливалась по линии горизонта с таким же голубым небом, была на вид такая же ласковая и притягивающая, как небо над его горами. На другой день над морем начался шторм, и чёрно-серые оттенки волн напомнили ему серое небо в бурю над горами, а белая пена стала аналогом несущихся над горами рваными облаками.

И Зор полюбил море почти наравне с небом гор.

Учился он в большом городе около моря. Учёба давалась ему так же легко, как и стрельба из лука. Родственники, гордые его достижениями в учёбе, пророчили ему учёбу в институте и даже аспирантуре, – да и какие родители не хотят такого для своих детей? Мальчик же хотел после школы поступить в военное училище и стать кадровым офицером.

Не сказать, что разразившаяся война с близким и очень сильным соседом сказала на укладе семьи, но теперь, когда он приехал на каникулы, мать и отец категорически настояли, чтобы он «отдыхал» всё лето в горах у дяди Гагика. Он не был против, т.к. все его сверстники разъезжались на

лето по городам и по горным пастбищам, а девушки у него ещё не было. В домах почти никого не было. Да он и не страдал от этого. Ему было хорошо в горах с дядей, с овцами, с солнцем и небом. Он опять, как и в детстве, собирал ягоды, гонял и собирал в кучу овец с помощью сторожевых собак, которые узнавали и принимали его как родного. Стрельбу из лука давно уже дополнил тренировками стрельбы из отцовской винтовки и дядиного ружья. За все лето он только однажды собрался сходить домой за вином к какому-то празднику для дяди, и начал спускаться в долину к дому...

...и вдруг взрыв. Он был очень похож на взрыв атомной бомбы, только маленькой. Был "гриб", наподобие ядерного, очень сильная ударная волна, только светового излучения не было, как при атомном взрыве. Интересно, что воздух пошёл не от эпицентра взрыва, а наоборот, к эпицентру – потом ему рассказали знающие люди, что это было скорее всего вакуумное оружие. При взрыве такого заряда мгновенно разбрасываются аэрозольные частицы, и они поджигаются одновременно автоматически. Таким образом и создаётся безвоздушное пространство на большой территории, в которую, как в воронку затягивается все живое и неживое. Минут через 15 с неба на голову посыпалась сажа и копоть, а в воздухе долго стоял запах бензина и резинового клея. Но он не замечал этого – бежал по склону к дому, уже чувствуя, что бежит уже зря.

Двух соседей – парня и деда, нашёл сразу на площади в

центре кишлака, который обстреляли этим новым оружием. Их тела были очень сильно изуродованы. В деревне не осталось ни одного целого дома – появилась пустыня с разбро- санными обломками. Его родители, когда он их откопал из- под обломков дома, были мертвы. Их тела тоже были сильно изуродованы, и он узнал их только по одежде и медальонам, которыми, как он знал, они обменялись в день свадьбы. Зор не плакал, только сжимал губы.

После похорон он забрал свои оставшиеся неповреждён- ными немногочисленные вещи и медальоны родителей в рюкзак и ушёл по горной тропе. Никому не ответил, куда он идёт. Просто пошёл навстречу солнцу с рюкзаком, отцовской винтовкой, луком и колчаном за плечами.

Кувалда и Щегол

У штабелей морских контейнеров стояли двое.

Один огромного роста и широкий в плечах. Лоб широкий и плоский, как будто им часто били по ровной поверхности. Или наоборот, – доской по лбу с размаху. Приплюснутый и немного свёрнутый в сторону нос, – результат многочисленных драк в детстве и юности, наводил на те же размышления о ровной поверхности при соприкосновении, – но с оттяжкой в сторону и вверх. Широко посаженные глаза без ресниц сидели глубоко в черепе под широкими надбровными дугами, словно глубоко забитые шляпки гвоздей. Нечасто бритые щеки как в узел кисета собирались в вытянутые вперёд губы, вечно сухие и потрескавшиеся в углах рта. Когда обладатель такого лица хмуро смотрел в твои глаза, хотелось куда-то спрятаться или хотя бы потупить глаза. А то складывалось впечатление, что он сейчас ударит тебя широким плоским лбом и разобьёт твою голову, как арбуз. В дополнение этого, у него были кулаки – размером с голову среднего человека, – и обувь 47-го размера большой полноты с высоким подъёмом. По какой из перечисленных особенностей его прозвали Кувалда можно было бы подискутировать, но сам Кувалда таких дискуссий не любил, и потому они затихали сразу же, так и не начавшись. По профессии гоп-стоп-

ник, охранник, часовой, часто стоял «на стрёме». Не то чтобы туповат, но как можно поручать дело с тонким одесским юмором или изысканную кражу человеку с таким обликом, – не представлял себе никто. Да и одевался он в свободный покрой пиджака и широкие брюки, и никогда не одевал рубашку между майкой и пиджаком, – как и кепи.

Маленького росточка его друг был прямой противоположностью. Худенький, – «аж светится», – сказала бы любая мать и протянула бы ему кусочек сала. Головастенный с длинноватым носом, большими ушами, тоненькими ручками, пальцами, ногами, – и микроскопическим размером обуви. За то в брюках клёш, жёлтой рубашке, клетчатом кепи и красном галстуке. «Щегол» – сказали когда-то пацаны во дворе, ещё в школьные годы, – да так и не вырос он в птицу большего размера и воровского веса, да и специализация форточника этой кликухе очень способствовала.

Теперь эти двое стояли перед сложенными в многоэтажные штабеля морскими контейнерами и спокойно осматривали их.

– И где, ты говоришь, тут товар прятали? – низким хрипловатым голосом спросил Кувалда.

– А я и не говорил, что прятали. Просто я видел, как его завозили в них электрокарами в больших коробках. Или ящиках, – я в вечернем свете не разглядел хорошо. Их подвозили какие-то крытые грузовики военного образца, работали – перегружали – исключительно мужики в какой-то неиз-

вестной мне форме, хотя электрокары брали у местных. Сами привезли, сами сгрузили, сами занесли. Контейнеры опечатали и уехали. И все были при автоматах и в разгрузках, хотя и не военные. И мне показалось, что у всех рации.

– Да, обычно сопровождающая охрана грузом не занимается, а вызывает биндюжников, чтобы потели они. А тут или секретность какая-то, или осторожность. В любом случае, интересно, что там в коробках. Может быть и нам что-то понравится и пригодится...

– Вот и я об этом гутарю. Да и давно это было. Судя по тому, как ведёт себя растительность около штабелей, особенно перед дверями контейнеров, их не открывали год. А то и более. И на пломбах пыль и грязь естественного характера, и не повреждённая.

– Думаешь, что-то сгрузили на временное хранение?

– Или на длительное, вместо склада. Кто будет в этом месте что-то проверять, если эти контейнеры и их хранение оплачено? Обычно-то тут хранят пустые контейнеры, хотя и их опечатывают.

– А может быть, о них просто забыли?

– Ну ты, Кувалда, просто ребёнок! Какой же хозяин забудет о своём товаре?

– А если он умер, и никому не сказал о хранилище?

– Тем более нам надо его проверить на предмет нужности нам. Покойник нам ничего уже не сделает. А нам может пригодиться.

– Так как мы туда попадём? Пломбы срывать стрёмно, – вдруг к сигналкам подключены.

– Я осмотрел весь периметр и нашёл в одном месте щель, в которую я, если ты мне поможешь раздвинуть щиты на стыках, смогу пробраться. Там, похоже когда-то контейнер чем-то грохнули, листы кувалдой подогнули, но сварить друг с другом забыли. Вот щель и осталась.

– Но это ж только один контейнер?

– А ты не жадничай, – это только разведка. Если там что-то ценное всплывёт, то тогда мы вернёмся и подумаем, как распотрошить все коробочки.

– Хе-хе-хе... Лады. Разведка, – так разведка. Но и взять надо побольше всего, что найдём, даже если разведка.

– Само собой, кореш! А теперь давай, помоги мне, а то я...

– ... а то ты Щегол, и с медвежьей работой не знаком и не справишься.

– Да ты болтай меньше, и раздвигай листы.

Спустя некоторое время Щегол протиснулся между листами и исчез в контейнере. Вынырнул он достаточно быстро и передал Кувалде один за другим три ящика, величиной приблизительно метр на метр. Видимо, ящики были не очень тяжёлыми, раз он смог подтащить их к пролому и вытолкать наружу.

– Эх, Одесса-мама! – улыбнулся Кувалда. – Опять мне два

ящика тащить, а тебе один?

– Побойся бога, мужик! Я ж Щегол, а ты Кувалда! Я и до пролома-то еле их дотащил, а как я два ящика потащу? Вон ты на плече холодильники носил на десятый этаж, и не вспотел даже! А я курицу не факт, что до кухни донесу.

– Ну, курицу-то ты при мне до кухни доносил, – и не раз...

– Да харэ базарить, – потащили.

– Баронесса, разрешите доложить.

– Говори, только, по существу.

– На складе произведён взлом и проникновение. Вынесено три ящика товара.

– Какие приняты меры?

– На похитителей навешаны «жучки» и просматриваем их передвижение. Так же прослушиваем их разговоры.

– Профессионалы? Наёмники?

– Шушера, похоже. Гоп-стопники. Личности выясняем. По кликухам Кувалда и Щегол. Если это действительно они, то это мелкая сошка. Что с ними делать?

– Проверить и доложить. Дайте им попробовать реализовать часть товара, а мы посмотрим потом, что с ними делать.

Кувалда держал в руке круглую пластмассовую коробочку точно, что аптечного вида. Повертел-повертел перед глазами...

– Слышь, Щегол! Ты что мне за лики подсунул? Это же химия аптечная какая-то! Что мы с ней делать будем?

– Да не бойсь, Кувалда, я с корешами перетру, может кто-то с рук и спустит. И нам мелочишка перепадёт.

– Ой, чую я, что нам не мелочишка, а кувалдушки по макушке перепадут с таким стрёмным товаром. Ты что, проверить заранее не мог? Может и не взяли бы?

– Не бухти. Ну подумай, как бы я без тебя мог туда попасть и проверить товар? А когда попал, то и пустому выходить уже оттуда жаба давила.

Но коробочка в руках Кувалды в этот момент лопнула между пальцами и на землю посыпались мелкие частички, по внешнему виду очень похожие на маковые зерна.

– Кувалда, ну что ты наделал? Вон смотри, кажется мак высыпал.

– Думаешь, что это наркота?

– А я Толстому отнесу, пусть он сам скажет, что это такое?

– А если к Толстому охрана не пустит тебя? Он в большого боса вырос уже.

– Меня пустит. Мы с ним корешились в школе. Да и посмотреть захочет обязательно.

– Только всё не неси, а то вдруг отнимут.

– Само собой...

Скрипачка. 002

Уже теряя сознание, девушка успела подумать: «Не успела. Жаль...»

Та же мысль пришла, – или продолжилась? – у неё в голове, когда сознание стало медленно восстанавливаться: «Не успела? А жаль... Жаль...»

Потом стали приходиться ощущения от тела, от кожи, от... Стоп! Кто-то дышит рядом? Или показалось?

Открывать глаза? Или подождать? Надо прислушаться.

Рефлекторно пошевелила пальцами рук. Вроде бы все на месте. Боль, в любом случае, не чувствуется. Будем надеяться, что никто их не отрезал.

Джуля приоткрыла глаза и только теперь почувствовала, как сильная боль стала раскалывать череп. Было ощущение, что где-то в глубине головного мозга стала нарастать чудовищная волна боли, которая толчками накатывала с каждым ударом сердца изнутри на глаза, уши... Дальше детализировать не хотелось, – хватало уже понятого.

Неожиданно затошнило. Она слегка приподняла голову и открыла глаза, чтобы понять, куда можно вытошнить содержимое желудка и... испытала сильное головокружение, которое просто откинуло её снова затылком на подушку. Глаза

сами собой захлопнулись. Приподняться не получилось.

Но она поняла от кратковременного взгляда, что находится в постели, – просто в чистой постели. Что правая сторона тела просто стала какой-то тяжёлой, трудной для управления, – двигаться словно сквозь толщу воды... Что это?... И она опять провалилась в небытие.

– ... А это, милочка моя, – услышала Джули мужской голос, – проблемы, которые могут остаться на всю оставшуюся жизнь. Я нашёл признаки разрыва аневризмы. Не факт, что была травма, – достаточно высочайшего эмоционального напряжения. Тогда понятно, что она не помнит ни кто ударил её по голове, ни кто закрыл за ней дверцу и уложил скрипку на сиденье...

Аневризма сосуда головного мозга, церебральная аневризма или интракраниальная аневризма – это патологическое местное расширение просвета артерии головного мозга. Следствием разрыва аневризмы является субарахноидальное или внутримозговое кровоизлияние, которое может привести к смерти либо неврологическим расстройствам различной степени тяжести, связанных с повреждением тканей головного мозга. Нетравматическое субарахноидальное кровоизлияние (НСАК) является одной из самых тяжёлых и частых форм нарушения мозгового кровообра-

щения.

Википедия.

– Не то что играть на любимом инструменте, но и ходить, и брать что-то правой рукой ей уже не придётся. Хотя, организм молодой, может быть и переборет мозговую катастрофу, но уж полного восстановления ждать очень сложно.

– И когда же, доктор, она опять сможет взять в руки скрипку? – словно из ниоткуда рядом с мужским голосом послышался женский. Значит, подумала Джуля, говорили не ей, а невидимой ей сквозь закрытые глаза женщине. Судя по тембру голоса, женщина была молода.

– Ну, в левой руке она ещё сможет держать скрипку, а вот смычок в правой уже не удержит. Вот смотрите, какое произошло нарушение, – послышался шелест ни то бумаги, ни то какой-то плёнки. – Это не даст ей...

– И ничего нельзя поделать? – перебил женский голос.

– Конечно, если бы её доставили в нашу клинику в первые часы после травмы, а не держали чёрт знает в каких условиях, не трясли бы по дорогам и пр., то тогда можно было бы побороться. Но вот теперь встаёт вопрос о том, насколько она сможет обслуживать себя сама в будущем.

– Бедная девочка. Она так здорово управлялась со смычком...

– Да, я видел запись её последнего концерта. В буквальном смысле последнего...

Голоса отдалились и стали не слышны.

Джуля лежала под простыней и покрывалась какой-то коркой ужаса. Коркой ужаса снаружи, как коростой или панцирем, и дополнительно коркой льда внутри. Ей казалось, что она просто замерзает, просто становится той сказочной Снежной Королевой, – вот только не от величия, а от ужаса. Ей становилось понятно, что говорили о ней.

Она попробовала подвигать пальцами правой руки, словно беря в руки смычок, но они не слушались, не повиновались ей. Словно пыталась переставлять чужие пальцы, как чужие предметы, как... У неё даже от страха и ужаса не хватало слов, чтобы для себя самой охарактеризовать эти ощущения. Да и зачем охарактеризовать?

В её памяти, как записанные на магнитофонную плёнку, всплыли слова врача: «... Хотя, организм молодой, может быть и переборет мозговую катастрофу...» – которые вроде бы пытались подарить ей надежду, но следом напоззали другие: «... но уж полного восстановления ждать очень сложно...»

Джуля была близка к тому, чтобы в голос разрыдаться от ужаса, охватившего её, но вдруг обнаружила, что левая часть лица как бы отстаёт при движениях от правой половины. Показалось? Рассуждать и изучать себя дальше она не смогла, потому что опять провалилась в небытие.

Трудно сказать, сколько прошло времени, когда она ста-

ла чувствовать, что её левую руку держат в какой-то ласковой руке и поглаживают другой рукой. Её рука дрогнула, чем невольно дала понять кому-то, что её владелица начала приходить в себя.

– Бедная девочка, – услышала она тихий женский голос. Тот или не тот? – Я вытащу тебя, но только сначала...

Больше она ничего не услышала.

.

Рыбы. 001

– Сейчас я плыву вверх и хватаю эту муху. Она не большая, потому сильно удерживать её не придётся, – она быстро утонет и захлебнётся в воде. Хотя двигаться будет ещё некоторое время...

Рыба выпучила глаза после броска к поверхности и теперь ждала, пока удерживаемая ею в зубах муха остановит свои движения. А потом проглотила её.

– Так, я слышу мысли рыбы, и что бы это значило? – Лейла смотрела на рыбу в аквариуме и не понимала, что происходит.

– Вау-вау-вай! Вау-вау-вай! – подпевали неизвестно кому водоросли.

– Берендей. Берендей. Берендей, – бормотал крабик, медленно передвигающийся от перевернутого декоративного кувшина к большому камню.

– Не догонишь, – отзывалась сомику личинка, стараясь спрятаться в песок на дне.

– Буль-буль-буль, Буль-буль-буль, Буль-буль-буль, – с равными промежутками произносили пузырьки из компрессора.

– Бред? Глюк? – Лейла привстала с кровати и глянула в сторону аквариума. Она всё своё детство мечтала иметь или ОЧЕНЬ большой аквариум, или большую стенку, составленную из большого количества маленьких аквариумов. А ещё лучше и то, и другое. Но в малогабаритной квартирке родителей это было просто невозможно, в студенческом общежитии тем более. Раскатывая потом с квартиры на квартиру, из дворца в дворец – жилье Ясива – меняя города и страны, она не вспоминала об этой детской мечте.

Такую стенку из аквариумов она видела в квартире подружки. У неё папа был морской офицер, вечно в походах, – и потому за этими аквариумами ухаживала сама подружка. Но хорошо в памяти осталось то впечатление, как её встречали рыбки, глядя из-за стекла на входящих в комнату, а потом отплывали вглубь и прятались под листьями. Никогда не приходило в голову, что рыбы могут говорить на своём языке, хотя бы для общения между собой. И уж тем более не могло прийти в голову, что остальные обитатели аквариумов тоже могут «говорить».

Теперь у себя в жилище она смогла выделить большую комнату, где одна стена была от пола до потолка уставлена аквариумами. В них резвились и дремали самые разные рыбки. И были крабы, устрицы, черепахи, раки, улитки, тритоны, сомики, – сразу всех и не припомнишь. Из настоящих кораллов были выстроены пещеры, гроты, просто разброса-

ны по дну.

Она устроила себе комфортное место для отдыха в этой комнате, – диваны, кушетки, кресла. Напитки, приглушённый свет, мерцание освещения аквариумов, бульканье воды... И невообразимая тишина. И вот теперь...

...обитатели заговорили человеческими голосами.
БРЕД!!!

Психиатр! АУ-ууу! Ты что-то видишь? А зелёных человечков не пробегала толпа?

Руки. 001

Ей снились руки. Ей почти каждую ночь снились руки. Это стало каким-то наваждением. Будучи отличным психиатром, она пыталась исследовать свои ощущения, дифференцировать их, классифицировать. Известно, что ночные сны часто являются отголосками того, что происходит с человеком днём, дополнительной обработкой «недоработанной» в бодрствование информации, выплескиванием недопережитых эмоций, невысказанных фраз, неслышанных или недослушанных слов...

Обычные мужские руки, которые касались её тела, ласкали его, тискали, прижимали.

Обычные женские руки, которые массировали её спину, лопатки поясницу, ягодицы...

И руки матери... Ласковые, нежные.

И руки отца, сильные и шершавые, словно пересохшие на ветру.

Руки дочери, сначала маленькие, крошечные, а потом озорные и шаловливые...

И она просыпалась... Нет, она не действительно просыпалась с переходом к действительному бодрствованию или

бессоннице, а просыпалась во сне и тянулась в этом сне к этим рукам. Которые она любила. Которые тоже любили её.

Тянулась своими руками, своим телом, частями своего тела, всей своей сущностью, всем своим сознанием, своими мечтами и воспоминаниями.

Как умный, образованный и вдумчивый человек, и уж тем более, как психиатр, она понимала, что в её снах реализовывались эмоции и чувства, желания и надежды, требования тела и души, которые она испытала в своей жизни очень мало, явно недостаточно или совершенно упустила. Ей, в её гонке за достатком, за положением в обществе, пришлось пожертвовать слишком многим, что есть у других людей. И дело не в том, что у них есть или нет эти достаток и положение, – дело в том, что они на это не променяли простые чувства и ощущения, а ощущения и чувства не пожертвовали в обмен на социальные блага. И если у кого-то недолюбленные, недочувствованные, недоиспытанные ощущения выливались в неврозы, алкоголизм, наркоманию, то у неё это выливалось в такие сны. Порой спокойные и светлые, иногда в тягучие и болезненные, чаще в разнузданные и свербящие. Связано ли это с тем, что она опять подседа на их препарат, или это не связано, – трудно сказать. Можно вылечиться от вновь возникшей зависимости, – она не хотела называть это наркоманией, – но ей самой этого не хотелось. Фактически в уже здоровом состоянии она намеренно начала принимать

вещество, от которого ушла много лет назад.

Если бы сны были связаны с препаратом, то почему они стали возникать ещё до его начала применения? Если связаны, то становится необъяснимо, почему эти сны стали столь яркими после возврата в лоно зависимости.

Баронесса-Z. 002

У меня есть все стадии развития соединения. Что называется, на любой вкус и цвет. Только выбирайте и получайте.

Плотность конечного продукта практически равна весу и размерам макового зерна. А в 1 грамме мака содержится до 10000 семян, и по форме – гранулы один в один, только форма немного другая. Т.е. в грамме вещества содержится до десяти тысяч доз! Это от десяти до двадцати лет ежедневного приёма. ТОЛЬКО В 1 ГРАММЕ!!! С вариациями суточной дозы. А в ста граммах препарата? А в тонне? А в сотне или тысяче тонн? Идеальный наркотик!

И мне теперь с этим запасом не нужен ни их новый мир, ни их похотливые мужчины или слюнявые женщины... Я сама могу всего теперь достигнуть.

Ведь у меня на разных складах, припрятанных по всему миру, – сознательно дробила «корзинку», – хранится сотни, если не тысячи тонн этого вещества, а также мегатонны исходного сырья и комплекты оборудования для производства с нуля.

Теперь главное не показать, что у меня Z есть. Мало ли что будет... «Прародители» этого зелья до сих пор не торопились восстановить его производство в полной мере, рабо-

тавшие там учёные рассеялись: кто просто по миру, кто вывезен на Рею и теперь путешествует по Вселенной и времени. Все занялись другими делами, до Z ни у кого нет дела. Потому мне и карты в руки.

Удивительные люди – наркоманы. Они, даже привыкшие к конкретному зелью, не отказываются попробовать новые препараты, и не требуют ни его сертификации, ни результатов различных испытаний и апробаций, ни отзывов, прошедших испытание, – только рекомендации дилеров, у которых даже начального образования может не быть, не только медицинского. А уж если услышат положительные отзывы, – тогда сами начинают его искать, и весьма интенсивно, заказывают дилерам, ищут поставщиков, спрашивают «концы» в своей среде.

Этим и надо воспользоваться. На первичной продаже запасов надо построить новую империю, а там уже... По большому счёту и «Тень», и Олег говорили очень похожие вещи: главное не изначальные условия, а тот азарт и напористость, с которой ты делаешь любое дело. Вот от этого и зависит успех. Даже если его изначально не было и не могло быть.

Значит, сначала надо заработать первичные суммы, потом запустить новое производство, а потом уже и научное исследование. Хотя без науки я не запущу производство, а без производства не запущу изучение. Ведь я не Олег, – у меня нет сохранённых технологий, – как он там говорил всегда:

«в облаке»?... Да, с его капиталом, вырванным у «Тени» и у Ясива было бы легче всё это начать. Но я, вырвавшаяся из нищеты совкового строя, должна это тоже преодолеть.

Жаль, что мама скончалась и не увидит моего триумфа...

Скрипачка. 003

Сознание вернулось словно рывком. Ещё не открывая глаза, она поняла, что вокруг светлый день. Значит, в свой прошлый приход в сознание она не заметила ночь? Вопрос спорный, но интересный. И столь же никчёмный, как и не своевременный.

Джули открыла глаза.

В просторной палате она была одна. Белый потолок, белые стены, – до тех пор, куда она могла видеть, не шевеля головой, одними глазами, – белые подставки под приборы, капельницы, белые занавески, шторы... Словом, мир белого цвета. Вот только на мониторе по экрану бежали зелёные и красные линии, в одной из которых она узнала линию сердца, столь часто показываемую в фильмах и просто в передачах любой тематики. Эта кривая сердца, в принципе непонятная и во многом необъяснимая, всё равно вносила какое-то спокойствие своей ритмичностью повторений, своей уверенностью, своей точностью.

Джуля пошевелила пальцами рук, – и в памяти всплыли слова, произнесённые мужским голосом. Она снова ощутила тяжесть, тугоподвижность и неуправляемость, когда попробовала пошевелить пальцами правой руки.

Головная боль и тошнота покинули её. Она бы и не вспом-

нила о них, если бы в памяти не возникли те смутные ощущения на фоне голосов, которые не давали ей в тот момент внимательно вслушаться в слова говоривших. Так это был не сон?

– Ты уже проснулась? – женский голос раздался откуда-то... Ну как бы это сказать? Сзади? Из-за спины? Но она лежала на спине, потому сзади у неё был только пол... Ну, если не считать кровати и постели. Сверху? Но верх – это там, где был потолок, светильники, – кстати, тоже белые. Со стороны головы! Вот! Так будет правильнее всего: из-за головы.

В поле зрения появилась весьма милая молодая женщина в белом халате, просто накинутом на плечи, которая улыбнулась ей весьма доброй и открытой улыбкой.

– Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, – попыталась ответить Джуля, но язык, губы и левая половина лица её не слушались. И вместо привычной речи раздалось какое-то мычание.

– Ой, извини. Меня зовут Лейла. А тебя Джульетта. Не напрягайся и не расстраивайся. Доктор сказал, что ты молодая, и что организм справится с такой травмой.

Джуля что-то почти обиженно попыталась сказать, – что он ещё сказал, что вряд ли, сомнительно или как-то так ещё, в этом смысле. Но сквозь плохо управляемые губы просочилось опять только нечленораздельное мычание. Из глаз

брызнули слезы, но даже разрыдаться перекошенным ртом было непривычно трудно.

Женщина села рядом на какой-то стул или табуретку, – Джуле не было видно на что, – и взяла в обе руки её руку. У Джули возникло опять ощущение, что она уже чувствовала на себе эти руки, когда они поглаживали её ладонь, её пальцы...

– Не спеши отвечать. Тебе сейчас это очень трудно. Мы будем разговаривать по-другому. Вот смотри. Я держу в руке твою руку. Если ты хочешь сказать мне: «ДА», то ты просто стучишь пальчиком по моей ладони. Если «НЕТ», то водишь пальцем из стороны в сторону. Как бы киваешь головой, если «ДА» и отрицательно мотаешь головой, если «НЕТ». Тебе понятно?

Джуля уже несколько начала успокаиваться от рыданий и поняла, что от неё ждут ответа. Она подумала и постучала пальцем по руке говорившей.

– Точно поняла? – как бы проверяя переспросила женщина.

– Да, да, – отстучала Джуля.

– Вот и славно. Ты помнишь, что с тобой произошло?

Джуля несколько раз постучала и поводила из стороны в сторону пальцем.

– И да, и нет? Я поняла тебя. Не волнуйся, поняла, поняла. Тогда я расскажу тебе, что с тобой произошло. Ты почему-то оказалась в моем грузовом фургончике, и при этом с

тяжёлой травмой головы. Зайти в фургончик с этой травмой ты бы не смогла, значит получила её или в дороге, упав со скамьи, или я даже не знаю. Врач говорит об инсульте, разрыве аневризмы... Фургон получил для меня кое-какие товары и долго неспешно ехал через полупустыню. – несколько дней, – в мой дом. Никто и не думал, что в фургоне есть ещё и ты. Обнаружили тебя при разгрузке товара. Обнаружили тебя и скрипку в футляре. Это твоя скрипка?

Джуля бешено забарабанила всеми пальцами левой кисти по ладони женщины.

– Я так и думала. Ты от кого-то спряталась?

– Нет.

– Сбежала?

– Да.

– Что-то помнишь ещё?

– И да, и нет.

– Ясно. Понятно, что ничего не понятно. Ну и ладно. Я тут смотрела запись одного недавнего концерта, и в клубах сценического дыма во время одного выступления увидела тебя. Я остро захотела, чтобы ты поиграла для меня. Вот скажи, если я сделаю так, что ты выздоровеешь, тебе будет опять от кого прятаться?

– ДА, ДА, ДА!!! – бесконечно барабанила и барабанила Джуля. Кривая сердца на мониторе стала частой-частой. Замигали ещё какие-то лампочки.

– Тебе стало страшно?

– Да.

– Ну, успокойся. Тебя здесь никто не тронет. Хочешь, я спрячу тебя навсегда? От тех, кто может причинить тебе вред?

– Да, – дополнительные индикаторы на мониторе погасли, кривая сердца стала спокойнее.

– И ты станешь мне послушной?

– Да, да. ДА!

– А играть мне на скрипке будешь, когда попрошу?

– Да, да, да, да, да, да, да, да, да, да... – кривая сердца опять рванулась, но быстро стала стихать. Индикаторы не включились.

– Ладно, вижу ты устала. Тогда договоримся так. Сегодня и завтра ты почувствуешь, что тебе станет совсем плохо. Не волнуйся, – это будет кризис, в который я тебя введу. Потом ты пойдёшь на поправку. Поняла.

– Да.

Женщина отошла к белому столику, взяла какую-то мензурку в виде маленького стаканчика, накапала туда из вынутаго флакона какие-то капли и разбавила их водой из другого стакана побольше. Потом задумчиво посмотрела мензурку на свет, как-то тяжело вздохнула и кинула в нее какую-то крупинку или зёрнышко...

Выпив полученные 2-3 глотка жидкости, Джуля решила, что ей уже ничего не страшно. Закрывает покорно глаза и заснула.

Кот. 001. Знакомство

Лейла словно заворожено смотрела на воду почти не мигая. Она почувствовала, как рядом с ней встал кто-то ещё и тоже стал смотреть на воду. Баронесса оглянулась и увидела...

Рядом с ней на задних лапах, опираясь передними на перила, стоял Кот. Да, да, да! Именно с большой буквы – Кот! Можно, конечно, было бы все буквы написать большими – КОТ, – но она посчитала, что это будет перебор. Пусть будет просто – Кот.

– Ты кто? – спросила Лейла.

– Удивляешь ты меня, баронесса. Ты же видишь, – Кот, – ответило пушистое создание.

Тогда Лейла после небольшой паузы уточнила, медленно растягивая слова: – А откуда? И кто тебя прислал? Воланд?

– Ой! Ну, не надо банальностей! Какой Воланд? Продукт необузданной фантазии Булгакова? Не ставь общепринятые штампы на всё, что видишь.

– Но...

– Вот тебе и «НО»! Ты забыла кто ты?

– И кто же?...

– Ты – наркобаронесса. Или просто – баронесса. И сама наркоманка. Разве же не так?

– В чём-то ты прав, в чем-то нет.

– В твоих снах «под кайфом» тебе одиноко, потому ты и стала создавать разные образы. Вот только эти образы таят с приходом в сознание, рассеиваются, как мираж. А если ты в свои «сны» затягиваешь реально существующие персонажи, то они приобретают под наркотой там новые и новые свойства, и ты в них потом разочаровываешься в реальной жизни.

– О чём ты говоришь?

– Я говорю о скрипачке. Ты зачем её на Z посадила?

– Откуда ты знаешь, что?...

– Ой, да знаю я, знаю, что ты его уже не так называешь! Но по сути, это была и будет до конца дней разработка Олега. Так?

– Ты и про Олега знаешь?

– Я всё про тебя знаю.

– Но откуда.

– Слушай, баронесса. Во-первых, мне приятнее называть тебя баронесса, а не Лейла, потому я так и буду тебя называть. Нравится тебе это или не нравится, – мне безразлично. Я сделаю тебе только одну поблажку, – не буду делать к этому названию приставку «нарко», – но в душе ты будешь это помнить и понимать. Во-вторых, я ведь и сам есть часть тебя: твоя суть, часть твоего сознания, часть твоего «Я». Какой частью ты предпочитаешь, чтобы я был: тёмная часть или светлая?

– Но это невозможно. Я хорошо понимаю, что раздвое-

ние личности возможно при любом токсическом поражении мозга, но...

– Я – не раздвоение твоей личности. Я продукт твоей личности. Так понятнее?

– Нет, не понятно.

– Хорошо, начнём сначала. Твой мозг не может найти себе полноценного друга или подруги. Они или изначально хотят попользоваться твоим богатством, как рыбы-прилипалы, или не дотягивают до твоего уровня развития и сознания, как бедная скрипачка-провинциалка. Потому твой мозг генерирует и генерирует новых и новых фантомов лицеприятной наружности, словно в бесконечном разнообразии пытается найти себе подобного. И как достойного собеседника, и как предмет длительной привязанности. Не любви – заметь. Твоя последняя любовь пока ещё с тобой – пока! – но ты не хочешь от неё избавиться, – от этой привязки, – потому и я не буду этого делать, т. е. разлучать тебя с этой привязкой. Хоть ты до конца не знаешь, какой он, – только напридумывала его себе, как бы новый фантом себе создала. Вот только воплотить этот иллюзорный фантом в реальный фантом сама себе боишься. Потому, как ребёнок, придумываешь себе разных тайных друзей – страшных или милых – и играешь с ними.

– И ты придуман мною?

– Я же сказал: Я продукт твоей личности. Не мозга! Личности!

– Есть разница?

– А это ты сама скажи, психиатр!...

– Но ты же бестелесный?...

Кот положил одну лапу на поясницу Лейлы, и она почувствовала его мягкое объятие.

– Бестелесный? – усмехнулся Кот.

– Ну, скорее «малотелесный». А хотелось бы создавать фантомы и образы полностью телесными и полноценно думающими.

– А ты, баронесса, готова к тому, что эти фантомы и образы заговорят? Что они что-то попросят или предьявят? Что рыбы вспомнят тебе сети и крючки, звери скотобойню, птицы комбикорма и убитую печень...

– Надо научиться всем этим управлять. И зачем делать их полноценными и равными по интеллекту людям? Мне достаточно... ну, как бы...

– Рабов, – так ты хотела сказать?

– Скорее и правильнее управляемых роботов. Чистой воды исполнителей. Можно тогда убрать из списка пункт «полноценно думающие».

– Ну, мне бы тоже хотелось иметь таких управляемых не думающих куропаток, мышей и цыплят, чтобы они сами лезли мне в тарелку или сразу в рот. Идея, конечно, интересная.

– Я не о пище.

– Я тоже не только о пище. Начнём с полчища солдат?

– Да хотя бы так. Ты представляешь? Ведь каждый нар-

коман, – хоть человек, хоть рыба или лангуст, – могут дать почти неограниченное количество фантомов, и нам только останется сделать их все «телесными». И тогда получим неограниченную армию!

– А зачем она тебе? Та армия тебе зачем? Мировое господство?

– Сначала надо её создать, а потом решим зачем. Чисто научная разработка. Как ядерный распад.

– Ну да, ну да. Так и атомную бомбу создали вместо атомного реактора, осуществив ядерный распад. И мясорубку для нежнейшего фарша, – и для пыток тоже. Список можно продолжать бесконечно.

– Ну и Кот мне достался: и про атомную бомбу знает, и мясорубку... Стой! А ты что же, мышей в мясорубке молол?

– Вот всё тебе скажи. И не тебе достался Кот. Я – Кот. Я гуляю сам по себе. Помнишь у Пушкина: «...Всё ходит Кот Учёный...»?

– Ха! Кот Учёный! Ну, ладно! Учёный – так Учёный. Виски будешь?

– А чистый спирт-ректификат есть?

– Во мы какие!... Под кота Бегемота маскируешься? А сказал, что к Воланду не имеешь отношение! Кто следующий за дверью? Коровьев-Фагот, Азazelло или девушка-вампир Гелла?

– Нет. Я пошутил. Давай лучше стакан молока.

– А как же имидж крутого помощника дьявола?

– Но ты же не Сатана? Ведь Сатана – женского рода, в отличии от Дьявола. Или я не прав?

– Пока и сама не знаю. Похоже, что я выпустила на Землю такое неизвестное и страшное испытание, – и не только для людей, но и для себя самой, – что не знаю, чем это всё и закончится. Да и ты возник не самостоятельно. Сам же сказал, что ты продукт моей личности. И я, как психиатр, понимаю, что ты – частичка меня самой.

– Можно, так сказать. Но ты не ответила, какая я сторона: тёмная или светлая?

– Давай попеременно будем с тобой «хорошим и плохим полицейским».

– У тебя уже есть твоя светлая сторона.

– Ты Джулю имеешь в виду?

– Ну, да. Кого же ещё? Разве это не твой светоч в ночи?

– Значит, ты сам определился, какая ты сторона. Так тому и быть!

Лейла неожиданно была ослеплена светом недалеко блеснувшей молнии и оглушена громом. Но Кот не исчез. Он стоял так же рядом и улыбался.

– Твоё решение одобрено. Видела? Кто ещё будет у тебя в свите? – спросил он.

– Что ты имеешь в виду?

– Ладно, ладно, ничего. Сама решишь, сама...

– Я не понимаю тебя.

– Потом, всё потом. Где твоё обещанное молоко?

– Пошли в дом. И молока дам, и познакомлю с Джулей.

Толстый и Кривой

У Толстого между большим и средним пальцами проворачивалась указательным пальцем коробочка – круглая пластмассовая коробочка точно, что аптечного вида. Её этикетка, – кстати, приклеенная прочно и надёжно, явно не подделка, – ни о чем ему не говорила. Название это какого-то химического соединения, реактив для лаборатории, сырье для производства... Нет, сырье такими мелкими партиями готовить не будут. Его будут отгружать в пакетах, мешках, ящиках, но никак не в аптечных коробочках. Маркировка – одна только латинская буква «Z+3.2.3.», – и больше ничего. При том, что цифры допечатаны с помощью клише позднее на заранее оставленное для этого место.

Вид расфасовки вещества тоже ничего ему не говорил. Какие-то гранулы размером с маковое зерно по внешнему виду, почему и притащил эту коробочку к нему Щегол. Но это не мак! Форму зерна этого растения он очень хорошо себе представлял, – не такая. Они не совпадают ни по цвету, ни по структуре при раздавливании (а он сразу же постарался раздавить его большим и указательным пальцами). Словно вошь раздавил. Но и осыпалась сразу же.

– Что ты принёс? – он строго посмотрел на Щегла.

– Толстый, я принёс тебе новый наркотик.

– Что это за наркотик? Как он действует? Что ощущают?

– Толстый, я не знаю. Но ведь лики не будут так расфасовывать, да и форму такую придавать.

– Позовите Кривого, – обратился Толстый куда-то за спину Щегла.

Толстый, – это только кличка, погоняло. Сказать, что он был реально безобразно толстым, было бы неправильно. Да, в талии его не всякая мадам с первого раза обхватит. Но сколько на земле таких людей, необъятных, существует? Просто, если приноровиться, то обхватить его можно даже без помощи со стороны, – но трудно. Да никто и не пробовал давно. Это в детстве его так дразнили во дворе и в школе, да так и перешла эта детская кличка во взрослую жизнь. А что теперь обижаться, – так он не видел в этом причины. Да, толстый по меркам американских врачей, но в самой Америке ожирение стало просто бичом всего населения – взрослых, стариков и детей, – и это не позор, а заболевание. Но не лечится оно нигде в мире, – вот люди и страдают. А рот или задницу свою зашить не разрешают, – как же отказаться от удовольствия ЖРАТЬ? Это же фактически один из наркотиков, от которого невозможно отказаться! А если на всех реагировать, то это станет себе дороже: и друзей растеряешь, и врагов наживёшь. Всё равно они будут за глаза его так звать!

...

Кривой был что-то типа доморощенного эксперта по таблеткам и вообще разной химии. Не то, чтобы он все их знал,

но вот как-то давно уже стало принято звать его, если было непонятно, что им принесли. В большинстве случаев он решал загадку. А то много развелось одно время шушеры, которая притаскивала безобидные или опасные медикаменты и просила за них денег, т. к. уверяли, что это наркотики. Вот с ними и приходилось чаще иметь дело.

А вот Кривой, – это потому что кривой. Когда-то в старших классах ему порезали лицо ножом, да так, что пересекли какие-то там нервы. Его и перекосило, так с тех пор и ходит Кривым. Нельзя сказать, что он чувствовал себя в своей среде обиженным или недовольным. Даже обласкан был в достаточной мере.

Сейчас Кривой стал разглядывать предоставленное ему зелье. Он вынул из кармана небольшую лупу и, высыпав на ладонь из коробочки несколько гранул, стал их разглядывать через эту лупу, словно разговаривая сам с собой. Все остальные молча за ним наблюдали.

– Так, посмотрим-посмотрим. Это точно не кардиомэгнил (Cardiomagnyl), – тот всегда выпускается в виде сердечек, но и больше на несколько порядков. Не флибансерин (Flibanserin) – женская виагра, – не та структура, хотя и описывались такие маленькие, но я не верю, не видел. На семена хоть каких-то растений не похоже точно, хотя я и не знаток растений и их семян. Гранулы точно промышленного производства. Одна в одну. С растениями так не бывает, – они почти все разные.

Он ещё долго что-то полушёпотом произносил, потом ссыпал всё в коробочку и начал разглядывать упаковку.

– Щегол, а там были ещё какие-то коробочки, картонки и бумажки?

– Не-е-е, только большая коробка с такими-же наклейками.

– А где эта коробка?

– А я спрятал. Ты мне скажи, что это такое, а я подумаю, сколько я тебе отдам за работу.

Кривой подошёл к Толстому и сел рядом на ступеньку. Рядом с Толстым стояли и стул, и кресло, но Кривой всегда предпочитал садиться на ступеньку. Возможно ему нравилось, что, когда он что-то тихо говорил своему другу и покровителю, тому приходилось пригибаться и тянуться к нему. Он рукой показал, чтобы все удалились и Щегла тоже забрали с собой.

– Что это, Кривой? Ты узнал?

– Понимаешь, на все мне известные таблетки – это не похоже. На зерна тоже. Но вот несколько лет назад ходила байка за какой-то институт в каком-то лесу около столицы.

– И где он?

– А вот в том-то и дело, что взорвал его кто-то и спалил до тла. Это даже по телевизору по всем каналам показывали.

– Ага, помню что-то очень крутое взорвали. И к чему этот институт?

– Да ходили слухи, – среди посвящённых, конечно, – что готовили они там несколько вариантов зелья, которое очень кому-то нравилось и было зачем-то нужным. Говорят, что его даже испытывали на людях в больших масштабах, продавая и раздавая с минеральной водой. Точно никто не знает, но поговаривали о наркотике нового поколения. Хотя точно никто не знал, а после подрыва института вообще все знатоки резко замолкли.

– Подожди. В те времена подорвали какую-то крупную Клинику, а про институт я не слышал. (роман «Гвардия Принцессы». Примечание автора.)

– Ну так это и был институт, похоже. Там и цеха были, и животные, и люди для экспериментов. Поговаривали много, но под «Тенью» много не поговоришь.

– Так это «Тень» разрабатывала?

– Вроде бы... Ну ты подумай, зачем кому-то подрывать и сравнивать с землёй простую лечебную больницу? И дорогую, к тому же. Да ещё явно имущество «Тени». С ней тягаться – себе же дороже, ты же заешь. Только самоубийцам и инопланетянам с руки.

– Конкуренция? Месть?

– Ну не до такой же степени, чтобы взрывать так, что половина леса на два метра ниже уровня земли взлетело к небесам. Это сколько же там взрывчатки было заложено?

– Не преувеличиваешь?

– Ну, если мне и преувеличили, то разве что немного. Так

вот такие гранулы мне кто-то описывал, когда мы тусили в «Байконуре». Помнишь такое место?

– Ещё бы. Там много улётного «топлива» было, сам поставки делал.

– Так вот там кто-то приносил и предлагал. Кто-то пробовал. Расхваливали, какие-то побочные эффекты рассказывали. Надо ехать и искать этих людей, но не факт, что найду. Думаю, что «Тень» их давно нашла.

– А если дать торчкам на пробу?

– Ну, это, конечно, святое дело. Но чтобы потом не получилось антирекламы.

– Да мы Щегла подсадим.

– А как мы, если что, потом весь склад найдём, если он загнётся?

– Тоже верно. Ладно, ищи людей, а я подумаю с лабораторными крысами.

– С кем?

– Да с торчками, с торчками. Хорошо, зови Щегла.

– Баронесса, кажется Вы попали в точку.

– Говори, есть ещё новый канал?

– Да. Возможно выход на целый континент.

– Точно?

– Баронесса, я ж не в церкви и не в страховом агентстве, –

я не могу утверждать и предсказывать будущее.

– Хорошо. Держи меня в курсе.

– Само собой разумеется.

– Свободен.

Зорац-Карер. 002. Птица и Волк

По тропе, по которой он шёл, давно не ходили люди. Он тоже давно не видел людей. Сколько времени прошло ему было неизвестно, да и безразлично.

В горах много есть вещей и мест, которые не известны никому или почти никому в мире. Потому много тёмных личностей и сами старались скрываться между высоких вершин, и секреты свои пытались прятать здесь. Но если ты живёшь в горах всю свою жизнь, то нет такого секрета, который горы скроют от тебя. Горы – как живые существа, – ничего не могут, да и не хотят, скрыть от тебя если они чувствуют в тебе родную кровь, близкую душу.

Зорац нашёл в горах большой склад продовольствия и оружия, который спрятали, как можно понимать по маркировке, диверсанты или разведчики во времена второй мировой войны. Или для них. Но очень трудно теперь сказать, чьи это были припасы, т. к. на складе не нашлось никаких бумаг и документов, – даже обрывков газет. Оружие разных стран и моделей, – или для маскировки своих диверсионных действий, или для того, чтобы выдавать себя за других людей. Продовольствие тоже маркировано многими государствами мира. Здесь были автоматы Абвера и американская тушёнка, советские ППШ и английские снайперские винтовки с

оптическими прицелами. Гранаты из Франции спокойно соседствовали с итальянскими минами, а галеты со свастикой мирно уживались в соседних ящиках с котелками из Японии.

Учитывая тот факт, что из системы пещер, – частично природного происхождения, а частично вырытых и забетонированных, – входы и выходы были искусно замаскированы, а сухой морозный воздух не давал имуществу испортиться, припасы оказались в идеальном состоянии. Первоначально Зорац боялся употреблять в пищу многие консервы, но потом осмелел и перестал об этом задумываться. Кроме того, здесь были одежда, обувь, предметы первой необходимости, горючее, топливо, посуда и многое другое, необходимое для проживания. Рядом протекал ручей, который давал достаточно воды.

Зорац не хотел видеть людей, но к животным это не относилось. Потому около него вскоре поселились семья воронов и выводила здесь своих птенцов. Они иногда слишком громко по утрам галдели на своём языке, и тогда приходилось или отгонять их от пещеры, или просто крикнуть, чтобы замолчали. С некоторых пор, словно поняв то, что от них хотели, вороны перестали шуметь около жилища. Да и его они не опасались, не взлетали при его приближении, не кидались врассыпную из-под ног. Из них выделился один крупный молодой ворон, который сначала научился брать у него из рук кусочки галет, потом стал садиться для этого к нему на плечо, ничуть не задевая его крыльями. Друг – так он его

назвал – часто просто расхаживал вокруг, когда парень за-сыпал на солнышке около пещеры.

Как-то раз у входа в лаз Зорац услышал жалобное повизгивание, и нашёл почти белого маленького щенка. Щенок замёрз и был голоден, но есть кусочки тушёнки отказывался. Тогда его новый хозяин открыл банку сгущёнки, развёл несколько чайных ложечек тёплой водой, – и щенок стал жадно лакать это молоко из тарелки. Устав от такого трудного действия и в неопишемом состоянии блаженства от полного желудка крошка заснула прямо у него на ладони. Зорацу на ум не пришло ничего лучше, чем затолкать его за отворот куртки на груди для тепла и уюта малыша. С этого времени Малыш – так он прозвал нового питомца, – от него просто не отходил ни на минуту. Со временем из маленького визжащего щеночка вырос огромный белый волк, которого и Малышом-то называть стало как-то неправильно, но они об этом не задумывались.

Приручённые птица и волк стали его постоянными сожителями в новом жилище и спутниками в его путешествиях по горам, охоте. Ворон стал с высоты искать крупную дичь, волк выслеживать и загонять, а молодой охотник подстреливал животное, после чего волк помогал доставить его к жилищу.

А сегодня он издалека увидел девушку...

Скрипачка. 004

Сознание в этот раз вернулось спокойно, – нет, можно даже сказать, что она просто проснулась. Джуля не помнила сколько дней продолжались кошмары, но это было так страшно и мучительно, что она и не хотела вспоминать никакие подробности. Сказать, что при этом ей было плохо, – значит ничего не сказать! Это было просто КОШМАРНО ПЛОХО! У неё непрерывно отрывались ноги, руки, все мышцы выкручивались, туловище разрывалось на множество мелких частичек, голова просто раскалывалась от пульсирующего в груди ритма сердца, а само сердце стучало неритмично, временами вообще, казалось, останавливалось, вызывая при этом сильную нехватку воздуха и дикий ужас. Джуля не помнила сколько дней продолжались кошмары, но она помнила сами кошмары. Она разговаривала с неизвестными ей духами, бородатыми богами, с самим дьяволом, так и норотившем откусить у неё какую-то часть тела... Тонула, горела, задыхалась, рыдала остатками воздуха, выворачивала наизнанку пустой желудок и огнедышащий низ живота... БР-Р-Рrrrrrr!!!!.....

Джуля проснулась в обычной комнате, а не в палате. На окнах были красивые занавески, на подоконнике, как в далёком детстве, стояли цветочные горшки. Сквозь полупро-

зрачные шторы светили яркие лучи солнца. Девушка встала с постели, подошла к окну и отодвинула штору. Лучи солнца ярче осветили комнату, заиграли бликами на чайной посуде на столике около её кровати.

– Проснулась? – за спиной раздался знакомый звук голоса. – Как себя чувствуешь?

– Да, спасибо, – мелодично ответила, обернувшись, Джуля. – Ещё не поняла, но, кажется, хорошо. Это Вы меня просили играть вам, когда я лежала... ну, там... в палате, наверно?

– Ты это запомнила? – рассмеялась собеседница. – Да, я. Но я не думала, что ты меня услышишь, и уж тем более запомнишь.

– Это не имеет значение. Я дала слово, – и я буду...

– Расслабься, – перебила женщина. – Я тебя слышала, поняла, твои слова приняты. Но сначала ты должна пройти полный курс реабилитации, и уж потом... Впрочем, я надеюсь, что потом мы просто подружимся.

– Я бы тоже этого хотела. А кто Вы?

– Давай сразу договоримся обращаться друг к другу на «ТЫ». Я – Лейла. Я хозяйка этой клиники, где тебя лечили, этого дома, куда тебя перевезли и где ты проснулась.

– А это где?

– Название тебе ни о чем не скажет, хотя планета Земля тебе знакома? – рассмеялась Лейла.

– Конечно знакома. А меня звать Джуля. Джульетта. Джу-

лей меня звала мама, а друзья Жулей. Но так мне не очень травится, хотя тоже нормально.

– Что с тобой произошло? – они уже сидели за столиком на удобных стульях, а перед ними как по мановению волшебной палочки молчаливые слуги накрыли стол для завтрака. Печенья, фрукты, сырные нарезки, ветчина, – и большой самовар с чаем.

– Я играла в клубе, – концерт группы. А потом там появился человек, который ранее обещал отрезать мне пальцы. Я вылила со сцены на него стакан какого-то напитка, – поверьте... ну, т. е., прости, поверь, я только пыталась защищаться! И убежала по какому-то коридору. Они с охраной должны были меня поймать и... – Джуля закрыла лицо руками и всхлипнула. Всё-таки это воспоминание было самым сильным из её кошмаров за время беспамятства.

– А зачем ему твои пальцы? Он что, каннибал?

– Он завистник. Я играла лучше, чем его сын, – на всех выступлениях, – и даже смогла отбить у него самый большой приз, хотя это именно он его и купил, – для конкурса и для сына. А потом... Потом он рассердился. И пообещал, что если увидит или услышит меня на сцене, то отрежет мне пальцы. Я и убежала с концерта, когда увидела его. Как мне кажется долго бежала по какому-то техническому коридору через подвал, потом вышла на улицу, попыталась спрятаться в какой-то машине... А потом ничего не помню.

– Наверно, ты ударилась в тот момент головой. Или те-

бя ударили... Теперь не выяснить. Тебя привезли в одну из моих резиденций на технической машине, кто ты и откуда выяснить не удалось. Мои лучшие врачи уверили меня, что твоя смерть от травмы головы – вопрос только нескольких часов. Самое лучшее, что тебя ждало, – полная инвалидность.

– Значит, услышанный разговор с врачом – не бред?

– Да, это было на самом деле.

– И мои ощущения, что моё тело мне не подчиняется, – тоже не галлюцинация?

– И это правда. Половина лица и половина туловища были практически неподвижны.

– А как же тогда...

– Слушай, девочка, тебе не всё равно, что я сделал для того, чтобы ты выздоровела? Просто имей в виду, что ты теперь ко мне привязана тем, что тебе придётся время времени принимать кое-что из никому неизвестных лекарств, которые не дадут тебе стать живым «овощем». И это лекарство есть только в моей клинике, и только у меня лично.

– Да я и не хочу бежать отсюда, если Вы... ты имела в виду это.

– Я надеюсь.

– Хорошо, а зачем я тебе нужна? Только для игры на скрипке?

– Давай поговорим об этом позднее.

– А почему не теперь?

– Потому, что я и сама пока не полностью понимаю, зачем ты мне нужна. Скрипачей с мировым именем и инструментами в миллионы долларов я найду даже не напрягаясь. Но это как-то совсем не то. Что-то мёртвое, продажное... Я даже не знаю, как объяснить. Что-то типа реальный рассвет и рассвет на дорогой картине известного дорогого художника.

– Но Вы... ты меня совсем не знаешь. Может быть я и не та, которая тебе нужна.

– Я прослушала твой «Шторм»... Точнее «Шторм» Вивальди в твоём исполнении. Ты знаешь, что по твоему вступлению в тот день уже сделан очень интересный клип, который выложен в интернете и имеет огромный успех?

– Нет, не знаю.

– И не могла знать. Ты в это время лежала у меня в реанимации. А за владение этим клипом, точнее за его принадлежность, теперь воюют несколько весьма сильных агентств... А лично ты объявлена в федеральный розыск. И за тебя обещана большая награда тем, кто найдёт тебя и доставит по нужному адресу. При этом таких заказчиков уже несколько. И они постоянно наращивают цену.

– И что мне делать?

– Ничего. Долечиваться, – и просто жить. На мою территорию никто не сунется. Да никто и не знает, что ты здесь.

– А потом?...

– А что потом? Потом они рано или поздно о тебе забудут.

– Но я хочу играть и выступать!

– И я этого хочу. И мы что-то придумаем. Договорились?

– Да, конечно. А что придумаем?

– Я пока не знаю. Я только знаю, что хочу есть, а ты нас обоих отвлекаешь от завтрака.

– Я приношу свои...

– Да хватит уже говорильни! Ешь давай!...

– А когда я смогу взять в руки свою скрипку? – спросила Джуля, намазывая тост маслом.

– Это мы тоже обсудим. Для начала, какого мастера скрипок – старинного или современного – ты сама предпочитаешь? – Лейла запивала кусочки бекона кофе и всем своим видом давала понять, что прислушивается к своим ощущениям глубоко внутри себя.

– Как это какого?

– Объясняю для не далёких: Страдивари, Гварнери, Амати, Токэ-Ча, Маджини, Штайнер, Батов, Вийом.

– Но это все старинные мастера!... Я никогда не имела возможности не только прикоснуться к таким раритетам, но даже увидеть их.

– Ну, если тебя пугает старинное имя, то есть и поновее: Грег Олф, Патрик Робэн...

– Стоп, стоп, стоп!... – Джуля отставила чашку с кофе и опёрлась руками в стол. – Вы мне предлагаете скрипки, которые стоят не просто целое состояние, а бюджет некоторых не маленьких селений. Это не честно. Где я возьму такие деньги?

– Это я возьму эти деньги, чтобы получать удовольствие от того, как ты играешь.

– Но...

– И никаких «НО»! Если не сможешь выбрать по названиям или именам авторов, то будешь выбирать по звучанию. В комнате, в зале, на свежем воздухе.

– Да я... – Джуля просто задохнулась от восторга. И, неожиданно даже для себя самой, вскочила и склонилась в глубоком реверансе. – Спасибо, – прошептала она, но Лейла услышала её.

Первая кровь. СМИ

В США призвали отомстить России кибератакой.

– Американский сенатор-республиканец призвал США отомстить России за предполагаемое очередное вмешательство в президентские выборы кибератакой неизвестных ботов, проникших в компьютеры США. Атаке подверглись, по словам выступающего, не только программное обеспечение, но и каким-то образом было выведено из строя и разбито вдребезги и так называемое «железо». Об этом сообщает газета Defence News.

«Я считаю, что президент России будет прибегать к преступным действиям до тех пор, пока его не заставят пожалеть об этом», – написал он в своей книге. – «Это повторяется уже столько раз, что мы сбились со счета. Но подобное варварство произошло не впервые.»

По мнению сенатора, ограничительных мер, которые Вашингтон принял в отношении русского диктатора и его друзей, недостаточно. «Чтобы российский лидер пожалел о своей атаке на один из столпов американской демократии – свободные и честные выборы – Соединенным Штатам необходимо использовать против Кремля его же оружие», – считает он. – «Но как русские смогли добиться столь непонятного

результата для уничтожения аппаратной части комплексов мы пока не знаем, но работаем в этом направлении.»

В своей работе известный оратор также отмечает, что президент США мог бы предпринять более жёсткие меры в отношении Москвы, однако не делает этого, предположительно, потому, что «у России есть на него некий компромат».

Сенатор от штата Аризона неоднократно критиковал главу государства за слишком мягкий курс в отношении Москвы. В частности, его возмутил звонок главы Белого Дома в Кремль после его очередного переизбрания на должность главы государства. Тогда он заявил, что «американский президент не ведёт за собой свободный мир, поздравляя диктаторов, выигравших фальшивые выборы».

США неоднократно обвиняли Россию во вмешательстве в президентскую кампанию с целью помочь одному из кандидатов победить на выборах. Москва все обвинения последовательно опровергала.

Американских военных в Афганистане объявили моджахедами.

Генерал корпуса Морской пехоты США назвал американских военных в Афганистане и афганскую армию моджахедами. Его слова приводит Task & Purpose.

«Террористы называют себя борцами за свободу, моджахедами – но они не таковы. Они преступники. Они изменники. Они прикрываются исламом. Они продают наркотики. Они убивают невинных людей. Ислам – не про это. Армия Афганистана и американцы – мы моджахеды», – сказал Неллер. – «В мусульманских храмах массово стали призывать к борьбе новыми силами, новыми методами, которые нам пока ещё неизвестны.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.